

ДИН ЛЕЙПЕК

КАРНИВОРА

Дин Лейпек

Карнивора

«1С-Паблишинг»

2022

Лейпек Д.

Карнивора / Д. Лейпек — «1С-Пабблишинг», 2022

У подножия гор стоит таинственный лес, что отделяет обычный мир от мира потустороннего. В давние времена, когда Королева раздавала дары, Волк и Лис отказались жить по законам этого леса, и с тех пор ненавидят друг друга. Это старая легенда. Но мальчик и девочка, которые живут возле гор Сантинел, играют вместе, ссорятся и примираются, пока не знают, что она – волк, а он – лис. И их судьба – Карнивора.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Дети	6
I. Кейза	6
II. Марика	9
III. Кристофер	15
IV. Волк и Лис	21
V. Олень	29
VI. Горы	36
VII. Деревня	42
VIII. Круг	48
IX. Город	55
Часть вторая. Друзья	61
I. Кастиния	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дин Лейпек Карнивора

*Да не на мнозе удаляйся общения Твоего,
от мысленного волка звероуловлен буду.
Иоанн Златоуст.*

Пролог

– Ты убила его. – Королева смотрела спокойно и холодно, и туманное голубое свечение, разлитое вокруг, отражалось в ее больших глазах.

– Помоги мне! – Руки дрожали, по ладоням пробежала судорога – но ничего не получалось. Магии не было.

– Ты убила его, – повторила Королева, – а теперь хочешь, чтобы я помогла тебе его спасти?

– Я не хотела!

– Конечно. Но ты хотела быть сильной и жестокой, не так ли?

Марика подняла глаза – но посмотрела не на Королеву, а прямо перед собой.

– Он тоже хотел быть умным и хитрым, – сказала она глухо.

– Ты права, – улыбнулась Королева. – И теперь настала пора платить.

Часть первая. Дети

I. Кейза

В Кастинии считают, что солнце садится за горы Сантинел и встает из вод Жемчужного моря. Конечно, как и всякие жители столицы, кастинийцы крайне невежественны в вопросах географии, и потому не стоит всецело полагаться на их слова. Но в одном они правы. Никто не знает, где заканчивается Жемчужное море, и никто не знает, есть ли что-нибудь по ту сторону гор Сантинел. Разумеется, время от времени находятся умники, которым позарез нужно это выяснить – ну и кто из них вернулся назад? Правильно. Никто.

Горы Сантинел – это гряда неприступных пиков, а их предгорья – последний оплот цивилизации. Станный край, серый край, место колдовства и древних легенд. Из-за хребта в долину постоянно спускаются плотные облака, и потому холмистое предгорье так и называют – Туманный край. Большую часть года солнце бывает здесь редким гостем. Пронизывающий ветер прилетает с гор и запутывается в ветвях вековых елей, а по ночам раздается пронзительный вой, недвусмысленно говорящий о том, какие звери наверняка могут встретиться в Лесу неосторожному путнику. Даже собаки в деревнях выглядят очень подозрительно, и нельзя сказать наверняка, сколько в них от волкодава, а сколько – от волка.

Жители гор верят в магию – но не ту, что преподают в школе Кастинии и призывают ко двору короли, не ту, что одевается в роскошные одежды и облакает силу в красивые слова и величественные жесты. Они верят в древнее колдовство, испокон веков обитавшее в сумрачных лесах. Это колдовство так же старо, как сама земля, вздыбившаяся здесь в своем стремлении слиться с небом, оно разлито в туманном воздухе, им дышат темные ели.

Конечно, ведьмы встречаются не только в Туманном крае. По правде сказать, почти в любой деревне есть своя колдунья, или знахарь, или любой другой человек, способный заговорить скот или приворожить суженого. Но ведьмы с гор Сантинел совершенно другой породы. Они не пытаются обмануть природу, как это делают другие. Подобно величайшим из магов, они заключают с природой договор – но, в отличие от магов, санинелские ведьмы отлично понимают, что природа отнюдь не обязана этот договор исполнять. Природа – сама себе госпожа. Она может помочь тебе, но может и не помогать. И это тоже нужно уметь принимать.

Кейза знала это ничуть не хуже других. Пятьдесят одну осень она прожила в Туманном крае, недалеко от деревни Дрик, неизменно помогая ее жителям словом, делом или бездействием. Кейза уже давно поняла: иногда лучшая помощь – это отсутствие всякой помощи.

В последнее время, впрочем, бездействовать хотелось куда чаще, чем это было необходимо. В соседней деревне, Оре – соседней по меркам Туманного края, а значит, совсем не близкой, – умерла ведьма. По традиции та растила себе смену, но девочка оказалась настолько слаба здоровьем, что не пережила Наар и на день. После того как догорел их погребальный костер, староста Оры подошел к Кейзе и тихо пробормотал, глядя в сторону:

– Вы же не оставите нас.

Кейза даже не стала кивать. Это был не вопрос.

С тех пор она не знала покоя. Конечно, те жители Оры, что могли дойти на своих двоих, приходили к ней сами – но ведь были и те, кто дойти не мог. Роженицы, умирающие, умершие, над которыми нужно было развеять листья и пропеть Последнюю песню – Ора считалась большой деревней. А Кейза была уже не молода.

Год спустя она возвращалась к себе после тяжелых, долгих родов, которые закончились Последней песней. Кейза остановилась перевести дух и посмотрела на дорогу, убегающую вниз. Часть пути из Оры проходила по главной дороге Туманного края, той самой, что вела отсюда в большой мир. Она спускалась вниз, пересекала речку Саар и поднималась между двумя холмами, теряясь в тумане. Там, за последней цепочкой холмов, начиналась равнина.

Туман поднялся, полуденное солнце слепило глаза сквозь тонкую серую пелену. Кейза прищурилась и приложила руку к глазам. Нахмурилась, пытаясь сквозь молочный блеск разглядеть слабое движение у подножия холмов, на том берегу реки. Сначала она подумала, что ей показалось. Но там точно кто-то был – медленно, но верно по дороге двигалась маленькая точка. Вот она уже добралась до моста, и стало видно, что это не одна, а две точки, двое путников. Они начали подниматься от реки, и Кейза прищурилась еще сильнее.

Две женщины шли не торопясь, с размеренным спокойствием людей, которые привыкли много ходить и умеют правильно расходовать свои силы. Подъем был долгим и крутым, но обе женщины дышали ровно и легко, когда подошли к неподвижной Кейзе.

Кейза медленно опустила руку, не сводя с них взгляда жестких серых глаз. Женщины были почти точной копией друг друга: высокие, широкоплечие, с длинными спутанными волосами цвета дорожной пыли, вот только у одной между пепельных прядей проблескивала седина, а лицо с крупными спокойными чертами покрылось морщинами – совсем как у Кейзы.

– Ты ждала нас, – тихо сказала старшая.

Кейза не стала кивать. Это был не вопрос.

Раздался непонятный писк, и молодая женщина слегка повернула голову, оглянувшись через плечо. Кейза снова прищурилась. Из-за плеча на нее смотрели внимательные глаза цвета темного жемчуга.

Она ошибалась. Женщин было трое.

* * *

Девочек Кейзу и Лагит взяла к себе в дом Агхар-Террая. Многие тогда говорили, что брать обеих неправильно – как решить, кто после смерти Агхар займет ее место? Но Лагит решила эту проблему за всех: в шестнадцать она сбежала из хижины ведьмы. Все считали, что Лагит сгинула в Лесу, все, включая Кейзу – но через два года сестра вернулась. Из-за плеча на Кейзу смотрели серые глаза племянницы.

Агхар-Террая умерла через несколько осеней после этого, а Лагит с девочкой остались жить у Кейзы. Она против своей воли привязалась к племяннице, и постепенно Дора стала ее ученицей. Лагит никак не вмешивалась в это – она вела их скромное домашнее хозяйство и никогда не претендовала на то, чтобы быть ведьмой наравне с сестрой.

Наверное, Кейза должна была это предвидеть – все-таки Дора была дочерью Лагит. Но побег племянницы застал ее врасплох. Она действительно успела сильно к ней привязаться.

Через два дня Лагит, не говоря ни слова, ушла. Кейза осталась одна в непривычно пустом доме.

Она так и не простила их.

* * *

Лагит и Дора с ребенком поселились в хижине Наар, а Кейза не знала, что и думать. С одной стороны, стоило порадоваться. Теперь в Оре появилась своя ведьма, и Кейза могла перестать бегать туда-сюда, словно курица по двору. Да и вообще, сестра и племянница вернулись, живые и невредимые. За это тоже стоило поблагодарить Лес.

Но Кейза по-прежнему на них злилась. Она не могла понять, почему этим дурам не сиделось на месте, почему нужно было убегать из дома, а возвращаться непременно с ребенком в подоле. Ну хорошо. Не в подоле, а за спиной. Это все равно ничего не меняло.

Кейза злилась еще несколько недель – на большее ее не хватило.

«Посмотрю, как они там устроились, – говорила она себе, продираясь сквозь заросли крапивы, которая смыкалась высоко у нее над головой. – Просто посмотрю – и все».

Когда Кейза вошла в хижину, она сразу увидела, что Лагит не сидела без дела. Все было вычищено, выметено, на окнах пестрели занавески, а травы над очагом висели в строгом порядке. Дора, которая мешала в котелке то ли суп, то ли зелье, подняла голову и улыбнулась тете. Лагит не отрывала глаз от шитья. Девочка сидела рядом с матерью на полу и внимательно смотрела на Кейзу из-под черной челки. Ведьма заметила, что глаза внучки при этом стали чуть светлее, ближе к голубому, чем к темно-серому.

Кейза наклонилась к внучке,дохнула на нее терпким запахом опавшей хвои и поломанных крапивных стеблей.

– Как ее зовут? – спросила Кейза, прищурившись.

– Марика, – отозвалась ее племянница.

– *Моар*, – кивнула Кейза, а Дора и Лагит вздрогнули. – Ну здравствуй, Волчок.

Далеко в Лесу, меж стволов вековых елей, шевельнулась серая тень.

II. Марика

Весь мир принадлежал Марике. Он начинался от порога их дома и заканчивался у двери бабушки Кейзы. И все это огромное пространство, все эти деревья, птицы, звери, цветы, травы, ягоды, бабочки и комары – все это принадлежало только ей одной. Хотя комарами, подумала Марика, с размаху шлепая себя по шее, она с удовольствием с кем-нибудь поделилась бы.

Лес был родным. Пальцы гладили шершавую кору елей, босые ноги проваливались в мох и пожелтевшую хвою, и малейший шорох был исполнен смысла и значения, и ветер, вдруг продиравшийся сквозь плотные тяжелые ветви откуда-то сверху, приносил облегчение и обещание тепла и солнца. Как-то раз бабушка Кейза спросила, не страшно ли Марике в Лесу одной. Она только удивленно фыркнула. Это был ее Лес. Чего в нем бояться?

Другое дело – деревня. Марика не любила туда ходить. Всякий раз, когда мама или бабушка Лагит посылали ее, она надувала губы, хмурилась и плелась нога за ногу. Тогда мама открывала дверь и кричала вслед, что отшлепает Марику заговоренным веником, если та сейчас же не поторопится. Однажды Марика уже познакомилась с этим загадочным предметом и больше пробовать не хотела, поэтому она тут же пускалась бежать со всех ног и влетала в деревню, задыхаясь, с раскрасневшимся от бега лицом и спутанными черными патлами вместо волос. Марика старалась провести там как можно меньше времени и сразу же стремглав мчалась домой, под сень родных живых елей. Деревня была пристанищем мертвых деревьев. И странных людей.

Марика давно поделила все человечество на «своих» и «чужих» по одному простому признаку – запаху. «Свои» пахли просто и понятно – Лесом, хвоей, дымом, козьим молоком, горячими лепешками, сушеными травами. Чужие пахли по-разному, но всякий раз их запах недвусмысленно предостерегал – осторожно! Держись подальше. Не стоит ждать ничего хорошего.

«Своими» были мама, бабушка Лагит, бабушка Кейза и Тур Кийри, староста Оры. Он, правда, порой источал очень странный, резкий и сладковатый запах – но Марика заметила, что в такие дни Тур был особенно добродушным и веселым, а значит, это был правильный запах. К тому же мамины руки пахли точно так же после того, когда она готовила целебные настойки. Значит, этот запах тоже был своим.

Марика остановилась на узкой тропинке и глубоко вдохнула. В нос ударил сильный грибной дух, она поморщилась, а потом машинально глянула под ноги. Тропинка была пустой. Марика сорвала травинку и задумчиво пожевала кончик, посмотрела наверх, шурясь от солнца, которое плотные ветви дробили на тысячи пляшущих бликов. Бросила травинку и помчалась что есть духу, перепрыгивая через корни и ямы, проносясь сквозь крапиву так быстро, что та не успевала ее обстрекать. Когда Марика добежала до хижины бабушки Кейзы, она резко остановилась и долго стояла, прислушиваясь к Лесу. Бабушка всегда спрашивала, что слышно в Лесу. Надо было подготовиться.

Но в Лесу не было слышно ничего особенного, поэтому Марика подошла к низкой двери и тихонько постучалась.

– Входи, Волчок, – раздалось изнутри.

Марика облегченно вздохнула. Порой, когда бабушки Кейзы не было дома, приходилось ее дожидаться, и сидеть одной в этой хижине Марике не очень нравилось. В отличие от их дома, у бабушки Кейзы все всегда было вверх дном. Вещи как будто нарочно сбегали со своих мест и оказывались совсем не там, где ты ожидал их увидеть. Добро бы это были обычные вещи, вроде поварешки или перловой крупы. Но однажды Марика обнаружила в кружке молока сушеный змеиный глаз. Здесь всегда надо было быть начеку.

Сейчас бабушка Кейза ничего не варила – это тоже было хорошо. Если она занималась приготовлением зелья или отвара, и думать было нечего о том, чтобы поболтать или просто о чем-то спросить. А какой смысл приходить в гости, если ты ни о чем не можешь поговорить? На дохлах мышей Марика могла вдоволь насмотреться и у себя дома – вот только там они висели аккуратными связками, привязанные за хвостики к потолку, а не валялись прямо на столе рядом с недельными лепешками.

Марика плюхнулась на лавку и схватила лепешку со стола, стараясь не смотреть на крохотные лапки мышей, скорбно сложенные на груди.

– С чем пожаловал, Волчок?

– Бабушка, почему ты называешь меня Волчком? – Марика принялась грызть черствый край, болтая ногами.

Кейза вздохнула. Этот вопрос она слышала постоянно – всякий раз, когда Марика прибегала к ней, она задавала один и тот же вопрос. Но не могла же Кейза ребенку объяснить все про *хедийе*, Данное имя, про жертвы и приношения, про служение и свободу...

– Я тебя так называю, потому что ты – Волчок.

– Но я девочка!

– Ты девочка-волчок.

Марика надулась. Каждый раз она надеялась, что бабушка все-таки придумает что-нибудь новое.

– А кто тогда ты?

Кейза снова вздохнула. Это вопрос она тоже слышала уже не в первый раз.

– Я – *кизи, кориун*. Твоя мама, – продолжила Кейза, опережая следующий вопрос, – *доар, олень*, а бабушка Лагит – *легае, белка*.

Марика прыснула. Как всегда.

– А Тур Кийри?

Кейза покачала головой.

– Не у всех имя что-то значит.

Марика отломилла зубами новый кусок лепешки и громко захрустела.

– Бабушка, – спросила она, выковыривая застрявшую между зубами жесткую корку, – а что значит «ублюдок»?

В хижине повисла тишина.

– Где ты это услышала? – спросила Кейза, и Марика сжалась от того, как блеснули у бабушки глаза. *Кизи, кориун*.

– В деревне, – пробормотала она, глядя в пол.

– И кто это сказал?

– Мальчишки на улице.

– И кому они это сказали?

Марика молчала и смотрела в пол.

– Марика?

Девочка поджала губы.

– Мне. Они кричали «ведьмин ублюдок». Это что значит, бабушка? Что-то плохое, да?

Кейза молчала. Пожалуй, лучше уж говорить про *хедийе*.

– Не ходи больше в деревню, Марика.

Девочка вскинула на нее глаза – серо-голубые, ясные, как морозное зимнее небо.

– Я бы с радостью! Но ведь мама с бабушкой Лагит все равно меня туда отправят.

– Я поговорю с ними, – твердо сказала Кейза. – Чтобы больше не отправляли.

* * *

С тех пор в мире Марики остались только свои. Бабушка Кейза поговорила с мамой – это был один из тех разговоров, когда взрослые бормочут так тихо, что не разобрать ни слова, а их лица застывают и становятся непроницаемыми. После этого в деревню ходили только мама или бабушка Лагит. Марика не знала, называли ли их там тоже «ведьмиными ублюдками», но с трудом могла такое представить. Даже бабушка Лагит, хоть и была всего лишь *белкой*, умела иногда смотреть так, что лучше с ней было не спорить. Марика хорошо это знала.

Теперь вокруг нее были только правильные люди, которые правильно пахли. Когда жители деревни приходили к маме за помощью, Марики никогда не было дома – днем она всегда бегала по Лесу, или к бабушке Кейзе, или просто так. В Лесу люди ей не встречались. Один только раз, бредя по дороге домой, Марика бросила рассеянный взгляд вниз, на дальнюю гряду холмов, и увидела, что там, далеко-далеко внизу, идет человек. Марика застыла на месте. Она всегда считала, что за холмами ничего нет, а дорога идет вниз только для красоты, чтобы придать виду некоторую завершенность. Марика никогда раньше не видела, чтобы по этой дороге кто-то ходил.

Она кинулась домой, и прямо с порога, едва переведя дух, крикнула:

– Мама, там на дороге *человек*!

Мама отбросила со лба пепельные волосы и слегка улыбнулась.

– Ну и что же, малыш? Мало ли кому понадобилось прийти в Туманный край.

Но Марика видела, как она еле заметно нахмурилась, а бабушка Лагит приподняла тонкие брови.

Мама месила тесто на лепешки, Марика принялась помогать и мешать ей изо всех сил и уже думать забыла про человека на дороге, как вдруг раздался стук в дверь. Все трое подняли глаза. Это был незнакомый, чужой стук.

Марика собиралась открыть дверь, но мама удержала ее и пошла сама. Бабушка Лагит притянула Марику к себе за плечо.

За дверью стоял человек в длинном балахоне, сером от дорожной пыли. Он был моложе, чем Тур Кийри, и выглядел совсем по-другому, непохоже на всех мужчин, которых довелось в своей жизни встречать Марике. Сантинельцы были высокими, с широкой костью, бледной обветренной кожей и пепельно-серыми волосами. Этот мужчина был небольшого роста, не выше мамы, очень худым, смуглым, и короткие волосы на голове чернели, как и глаза, темные и пронзительные.

Но мужчина не смотрел на Марику. Он смотрел на маму, а мама смотрела на него, и от их молчания Марике стало не по себе. А потом мама сделала шаг вперед, мужчина отступил, они вышли на улицу и закрыли за собой дверь, Марика слышала их глухое бормотание и представляла, какие непроницаемые при этом у них должны быть лица. Вдруг голоса стали громче, злее, дверь распахнулась, мама влетела в дом, а мужчина шагнул следом за ней. Марика вжалась в крепкие руки бабушки.

– Нет! – крикнула ему в лицо мама.

– Ты сама знаешь, что я прав! Посмотри на нее! У нее нет шансов – и тебе-то здесь делать нечего, а уж ей и подавно!

– Нет, – повторила мама тихо и ровно, и Марика невольно пожалела мужчину. Мама всегда так разговаривала, когда была очень зла.

– Она должна поехать со мной, – возразил мужчина.

– Она никуда не поедет, – ответила мама.

Они стояли друг напротив друга, почти одного роста – он был резким и сильным, как холодный февральский ветер, а она была спокойной и высокой, как ели, что скрипели в ночи над их домом.

– Сейчас, – неожиданно спокойно согласился мужчина, и Марика с удивлением заметила, что он совершенно не боится маму. – Но наступит день, когда ты не сможешь ее удержать.

– Возможно, – кивнула мама и почему-то улыбнулась, и Марика с еще большим удивлением поняла, что мама знает, что он ее не боится. И не сердится на него.

– Прощай, *Моар*, – неожиданно бросил мужчина, глянув на девочку в упор, и поднял руку в прощальном жесте. Ладонь у него была совершенно черной. Марика вздрогнула, а мужчина развернулся и вышел, и холодный ветер ворвался, взвыл и растревожил пламя в очаге прежде, чем дверь успела захлопнуться.

* * *

Сборщик податей приходил в деревню четыре раза в год – собирать налоги и переписывать то прибавляющееся, то убывающее население. Еще сборщик приносил новости из большого мира – теперь Марика знала, что за холмами мир не заканчивался. Там он как раз и начинался.

Что значило слово «переписывать», для нее долго оставалось загадкой. Никто не учил Марику читать. Дождливый день или в лютый мороз, когда мама с бабушкой Лагит не отпускали ее на улицу, Марика брала единственную книгу в доме – ту, в которой мама и бабушка Кейза читали о всех зельях, заговорах, приворотках, которые они применяли, – и подолгу рассматривала непонятные закорючки и редкие картинки. Иногда Марика спрашивала маму и Лагит, что сказано здесь или о чем говорится тут, и постепенно непонятные закорючки стали означать слова, а слова – складываться из букв.

Позже Марика поняла, что буквы можно составлять и в другие слова, не только те, которые были написаны в книге. Теперь, когда дождь прекращался, она выбегала во двор и долго водила палкой по мокрому песку перед крыльцом, наслаждаясь удивительным, неожиданно открытым миром. Так Марика научилась читать и писать – однако она была твердо убеждена, что буквы нужны только для записей в маминой книге и чтобы развлекать себя во дворе, записывая знакомые слова и придумывая новые. Иного назначения для букв Марика не могла придумать.

Позже, правда, бабушка Кейза стала с ней заниматься. Когда Марике стукнуло девять, Кейза сказала, что пора взяться за ее обучение. Дора и Лагит не возражали – по правде сказать, они и так постоянно учили Марику всему, что знали сами. Однако теперь раз в неделю Марика, вместо того, чтобы просто сидеть и болтать ногами в хижине бабушки Кейзы, шла с ней во двор и писала палкой на песке – но уже не знакомые или придуманные слова. Кейза учила девочку *хедийе*, Данным именам, тем именам, которые получали только ведьмы, да еще маги, живущие по ту сторону холмов. Теперь буквы обрели новый смысл – они стали носителями тайного знания, скрытой силы, безусловного значения. Но это был их предел. Буквы, как поняла Марика, нужны были только для магии. Недаром никто из деревни не умел их разбирать.

Тур Кийри часто навещал Дору и Лагит. По правде сказать, больше он любил навещать бабушку – так, по крайней мере, казалось Марике, потому что староста всегда заметно оживлялся, если вдруг заставал Лагит одну. Тур никогда не приходил с пустыми руками: у него всегда было что-нибудь полезное для мамы, красивое для бабушки и вкусное для нее, Марики. После его ухода мама и бабушка всегда менялись: красивое шло Доре, а полезное – Лагит. Порой Марика думала, что Тур бы, наверное, обиделся, если бы узнал, как мама и бабушка распоряжались его подарками. Но молчала. Она знала, что у взрослых свои причуды.

И вот однажды Тур Кийри принес *письмо*. Марика с вытаращенными от изумления глазами смотрела на свернутый лист плотной бумаги. До сих пор она видела ее только в книгах у мамы и бабушки Кейзы – и хорошо знала, что вырывать оттуда листы строго запрещено. Поэтому Марика не могла взять в толк, откуда мог взяться этот отдельный лист. Неужели кто-то добрался до их книги и вырвал его оттуда? Она подумывала о том, чтобы тихонько проверить, все ли страницы на месте, но и мама, и бабушка были дома, и проделать это незаметно было невозможно.

Судя по всему, мама тоже очень удивилась, и даже бабушка Лагит подняла свои красивые тонкие брови.

– Что это? – спросила мама.

– Письмо. Вам пришло.

Мама и бабушка переглянулись.

– Откуда?

– Этого я уж не знаю, – виновато развел руками Тур. – Сборщик сказал, что письмо вам. А от кого оно – этого он не говорил.

Мама взяла лист и посмотрела на мелкие буквы, которыми тот был написан. Нахмурилась, быстро сломала темную кляксу с непонятным узором, скреплявшую его края. Бабушка Лагит подошла к ней и встала за спиной.

– Что там? – не выдержала Марика, сгоравшая от любопытства. Она не знала толком, что такое *письмо*, но предполагала, что это должно было быть какое-нибудь совершенно удивительное волшебство – потому что для чего еще нужны буквы, как не для магии?

Мама подняла глаза и внимательно посмотрела на Марику.

– Ну что ж, – пробормотала она, откладывая исписанный лист на стол. – Сдается мне, что скоро у тебя будет компания.

* * *

Письмо и впрямь оказалось волшебным – в нем говорилось, что через два месяца к ним придет мальчик. И будет с ними жить.

Поверить в такое было невозможно. Марика никак не могла представить себе, что с ними действительно может жить кто-то еще. И этот мальчик был не чужим, он был своим, родным, судя по тому, как о нем говорили мама и бабушка Лагит. Целый новый, свой человек! Конечно, письмо было волшебным.

Мальчика звали Кристофер, он жил раньше в большом приморском городе вместе со своим отцом. Тот торговал, много путешествовал – и однажды он не вернулся из плавания домой. Марика не совсем понимала, в чем было дело, но получалось, что мама и бабушка Лагит знали дедушку мальчика, папу мальчика и даже дядю мальчика. И вот теперь этот дядя написал им письмо с просьбой приютить мальчика у себя.

Марика знала, что давно, еще до того, как она появилась на свет, мама ушла за последние холмы, в большой мир, и бабушка Лагит пошла вслед за ней. Еще она знала, что задолго до того бабушка Лагит тоже уходила за последние холмы – правда, тогда за ней никто не пошел. Бабушка Лагит потом вернулась уже с мамой, а мама вернулась вместе с бабушкой Лагит и с ней, Марикой, и получалось, что из-за последних холмов все возвращались с маленькой девочкой. Марика не раз обдумывала, не сходить ли ей за последние холмы посмотреть, что же происходит там, в этом большом мире – но перспектива обзавестись своей девочкой всякий раз ее останавливала. Марика не была уверена, что готова к такому.

Она долго размышляла, будет ли у этого мальчика тоже маленькая девочка, когда он придет к ним. Ни мама, ни бабушка ни про какую девочку ничего не говорили, и Марика была уверена, что они не могли забыть о таком, если бы знали заранее. Пару раз она порывалась

спросить – вдруг все-таки забыли? – но ей не хватало духу. Ладно, подумала наконец Марика, чего уж там. В крайнем случае, они же все равно эту девочку приютят, ведь правда же?

Приезд мальчика повлек за собой большие перемены – например, их хижина теперь стала больше. Со стороны Леса сын Тура Кийри соорудил пристройку, которая теперь должна была служить спальней для мальчика и Марики. Это было ужасно необычно – Марика не могла себе представить, что теперь будет спать не на лавке у стола, а на топчане в отдельной комнате. Ну хорошо, еще в этой комнате будет спать мальчик, и еще, возможно, с ними же будет спать его маленькая девочка – но это все равно было очень странно.

Мама дважды ходила за последние холмы: первый раз, чтобы отправить ответ на письмо, а второй – чтобы встретить мальчика в Тремпе, последнем городе, лежащим почти на границе равнины и Туманного края. Марика опасалась, не принесет ли и мама с собой маленькую девочку – в конце концов, что они будут делать с таким количеством младенцев? – но первый раз мама благополучно вернулась одна. Когда она ушла второй раз, то велела ждать их через два дня.

Они стояли на дороге втроем: Марика, бабушка Лагит и бабушка Кейза, и неотрывно смотрели вдаль, а ветер трепал их волосы, черные пряди Марики и пепельно-седые – Лагит и Кейзы. Лица бабушек были твердыми, спокойными, и Марика вдруг подумала, что они похожи на скалы.

Когда между холмов показалось движение, Марика застыла. «Будет или нет у него с собой маленькая девочка?» – напряженно думала она, вглядываясь вдаль и пытаясь рассмотреть, не несет ли один из них маленький сверток. Но на таком расстоянии что-либо увидеть было невозможно.

Когда Дора и мальчик стали подниматься от реки к ним, Марика подалась вперед, но они шли спокойно и ровно, и никого свертка, похожего на маленькую девочку, у них не было. Только у мальчика на плече болталась небольшая котомка, да мама несла в руке узелок.

Они подошли, ветер взметнул и их волосы тоже. Мальчик тряхнул головой, откидывая со лба золотистую челку. Он был ужасно высоким, на голову выше Марики, и его покрытое дорожной пылью лицо казалось ей страшно взрослым.

– Ты – Кристофер? – спросила Марика тихо.

– Я – Кристофер Тилзи, – ответил мальчик резко, снова тряхнув головой. Он говорил со странным акцентом, как будто все звуки у него во рту становились острыми и злыми.

Марика нахмурилась.

– Тилзи, – повторила она задумчиво и повернулась к бабушке Кейзе. – Это значит, что он – лис, правильно, бабушка?

Кейза прищурилась. Дора и Лагит переглянулись.

– Это ты сказала, – тихо ответила бабушка.

– Я не лис, – резко возразил мальчик. – Я Кристофер.

– Ты Кристофер-Лис, – невозмутимо ответила Марика. – Тилзи, *Тиласи*. Это значит – Лис.

Далеко в Лесу, между стволов вековых елей, мелькнул рыжий всполох. Волк, до того спавший между узловатых корней, приподнял голову и широко распахнул глаза, ясные, как морозное зимнее небо.

III. Кристофер

На поверку Кристофер оказался совсем не волшебным. Марика и сама не могла бы сказать, чего ожидала – но спустя несколько дней, сидя на лавке и болтая ногами, Марика громко заявила:

– Он противный.

Кейза, которая в этот момент стояла к ней спиной, замерла на мгновение – ровно настолько, чтобы убрать с лица невольную улыбку, – и обернулась:

– Неужели?

Марика откусила лепешку и серьезно кивнула.

– И что же в нем противного? – продолжила Кейза, пристально глядя на внучку.

– Фше, – не переставая жевать, промычала Марика. Затем, дожевав, продолжила: – У него противный голос. Ужасно резкий, как будто он ножом слова режет. И он говорит так, как будто залез на ель и вещает оттуда, а мы все копошимся внизу – ты бы видела его лицо при этом!

– Я видела, – кивнула Кейза.

– Ну вот. И потом, он чуть что принимается рассказывать про Кларет, город, в котором он жил – как будто это центр мира! И смеялся надо мной, когда я сказала, что понятия не имею, где этот Кларет находится – как будто это кому-нибудь важно! И при этом, бабушка, ты не поверишь – но он ни разу в жизни не видел козу! Я сначала не поверила. Потом я подумала – ведь его папа был очень богатый, может, у них была корова? Но Кристофер только фыркнул и заявил, что это дело крестьян – держать скотину. Бабушка, а что, у них в городе совсем нет молока?

– Не знаю, – осторожно ответила Кейза. О тонкостях городской жизни она была осведомлена не сильно больше внучки – а опыт научил ее помалкивать о том, чего не знаешь. В большинстве случаев это было лучшим способ прослыть умной. А Кейзу все считали очень умной.

– Бабушка, зачем он к нам приехал? – неожиданно спросила Марика, и улыбка тут же перестала щекотать Кейзу за щеками.

– Он приехал к нам, потому что ему больше не к кому было поехать.

– Но у него же есть дядя, который тоже живет в городе! – Марика вскинула свои огромные ясные глаза на бабушку, и в них были непонимание и обида. – Вот и жил бы у него... Зачем он нам?

Кейза ответила не сразу. Насколько она поняла со слов Доры, дядя Кристофера был совсем не тем человеком, которому стоило присматривать за мальчиком одиннадцати осеней от роду – и Кристоферу очень повезло, что его дядя считал точно так же.

Вот только сам Кристофер, очевидно, отнюдь не считал это везением.

«Бедные дети», – подумала Кейза, а вслух сказала:

– Марика, ты должна кое-что понять. Кристофер не просто мальчик. И даже не просто противный мальчик. Он – мальчик, который совсем недавно потерял отца. Понимаешь? У него никогда не было мамы, как у тебя, и бабушек – у него был только папа, и теперь этого папы больше нет. Кристофер привык жить в городе, но отныне ему придется жить не просто в деревне, а в глуши, в Туманном крае, буквально на краю света. Тебе непросто это сделать, я знаю, но попробуй представить себя на его месте, хотя бы на мгновение. У него есть все основания быть противным. И даже очень противным, если подумать.

Марика так и застыла с широко раскрытыми глазами. Ее маленькое личико долго было совершенно неподвижным. Затем она медленно сползла со скамейки, отложила недогрызенный кусок лепешки на стол и тихо спросила:

– Бабушка, а у тебя еще осталась *брассика*?

Кейза слегка прищурилась.

– А зачем тебе?

– Надо, – слегка поджала губы Марика.

– А морковкой не обойтись?

Марика тряхнула головой. Кейза вздохнула, подошла к стене, на которой в беспорядке висели пучки разных трав попеременно с прошлогодними опавшими листьями, и сняла маленький холщовый мешочек.

– Всего пара листочков осталась, – пробормотала Кейза, развязав шнурок и заглянув внутрь. – Пускай потом мама вернет, договорились?

Марика кивнула. Кейза достала маленький сморщенный почерневший листочек и осторожно протянула его девочке, та сняла с шеи косынку и осторожно завернула в него *брассику*.

– Спасибо.

– Не скажешь все-таки, зачем она тебе понадобилась?

Марика снова помотала головой. Кейза слабо усмехнулась.

– Ну хорошо. Тогда беги, пока солнце не село.

Марика кивнула и выскочила на улицу.

– Не несись, сломя голову! – крикнула Кейза вслед, но Марика, как обычно, была уже слишком далеко, чтобы услышать.

Она бежала через Лес, который дышал ей в лицо теплым вечерним воздухом, запахом разогретой на солнце сосны и душистого вереска. Марика не останавливалась ни на мгновение, и только один раз, выскочив на дорогу, ведущую к последним холмам, она помедлила и посмотрела вдаль, туда, где из-за бархатных склонов холмов выросло желтое предзакатное небо.

«Когда-нибудь я обязательно попаду туда», – подумала она, развернулась спиной к солнцу и понеслась по дороге вверх, навстречу темным елям, чья тяжелая хвоя в лучах солнца становилась будто бы еще гуще.

Марика не стала заходить в дом, а обогнула его и подошла к заданной новой пристройке. Здесь все еще чувствовался запах свежеструганного дерева, землю покрывали щепки и мелкие стружки, порывшиеся и разбухшие после недавнего дождя. Как Марика и ожидала, Кристофер был тут – он сидел на опрокинутом чурбаке, прислонившись спиной к стене и уставившись на темный Лес, который начинался почти у самого дома. С самого первого дня мальчик чуть ли не все время проводил здесь. Сказать по правде, отчасти поэтому Кристофер так раздражал Марику. Это было *ее* любимое место. Марика попыталась в первый вечер посидеть вместе с ним, но ничего не получилось. Это было место добровольного одиночества, раздумий и мечтаний. Оно совершенно не подразумевало компании. С тех пор, когда бы Марика не собиралась посидеть на чурбаке, она неизменно обнаруживала, что тот уже занят. Разумеется, она не могла простить Кристофера.

Мальчик никак не отреагировал на появление Марики – но он вообще редко обращал на нее внимание, если только она не наступала ему на ногу и не обливала кипятком. Марика подошла поближе и немного постояла молча. Кристофер продолжал смотреть на Лес.

– Привет, – неуверенно сказала она. Он не ответил.

Марика вздохнула. Как только она перестала бежать, мышцы налились усталостью, и тело сковало сомнение. Бабушка Кейза, конечно, была очень умной и всегда говорила правильные вещи. Но ведь ей не приходится каждый день разговаривать с *ним*.

Но Марика все равно уже принесла с собой *брассику*. Было бы глупо теперь ее не использовать.

Марика медленно опустилась на колени и развернула узелок с бесценным листочком. Краем глаза она заметила, что Кристофер повернулся к ней. Марика осторожно расправила косынку на земле, посмотрела на Лес и тихонько прошептала:

– *Тавсан...*

Ничего не произошло. Марика напряженно смотрела на Лес, а Кристофер недоверчиво смотрел на нее.

– Что ты делаешь? – спросил он, как обычно, резко.

– Чш-ш-ш! – шикнула Марика, вглядываясь в кусты, растущие по краю опушки. Кристофер быстро повернулся туда. Что-то зашуршало, и в невысокой траве показались длинные ушки и любопытный, непрестанно шевелящийся нос.

– Это же... – вздохнул мальчик, но Марика снова шикнула и нетерпеливо махнула на него рукой. Кролик испуганно замер, дернул ушами, потом снова повел носом и осторожно поскакал в их сторону. Кристофер застыл на чурбаке.

– *Тавсан*, – снова тихо позвала Марика, и кролик поскакал быстрее, смешно вскидывая толстую попу. Приблизившись вплотную к Марике и ее платку, он с лету уткнулся носом в сморщенный потемневший листик и так и застыл. Кристофер задержал дыхание.

Марика потянулась и взяла кролика на руки. Когда она поднимала его с земли, нос зверька продолжил тянуться вниз, как будто прилип к *бассике*, лежавшей на платке. Марика подобрала ее и протянула кролику, затем осторожно поднялась и подошла к Кристоферу. Кролик мгновенно зажевал листок и обмяк, прикрыв глаза.

– Хочешь его поддержать? – предложила Марика мальчику. Тот с шумом выдохнул и спросил, не отрывая глаз от одурманенного кролика:

– Что ты с ним сделала?

– Сормила ему *бассику*. Это заговоренный лист капусты.

Кристофер вскинул на нее глаза, и в них снова мелькнуло недоверие:

– Капусты?

Марика серьезно кивнула.

– А что тебе не нравится?

– Ну, – неуверенно протянул мальчик, снова переводя взгляд на кролика, в полном блаженстве разлегшегося у Марики на руках. – Я думал, что заговаривают разные... *особенные* растения. Белладонну, например, или что-то в этом роде.

Марика слегка фыркнула.

– Кролики не едят белую донну. Они едят капусту. Так ты хочешь его поддержать, Кристофер?

Мальчик медленно кивнул. Марика протянула кролика, и Кристофер очень осторожно принял его, вздрогнув, когда кролик слегка забил задними лапками. Марика снова фыркнула.

– Не бойся, он тебя не тронет.

Кристофер ничего не ответил, медленно поглаживая шелковистую шкурку.

– Зови меня Кит, – неожиданно сказал он.

– Кит?

– Да. Меня так зовут.

– Но тебя зовут Кристофер, – неуверенно возразила Марика.

– Да. Но папа всегда называл меня Кит.

Марика немного помолчала.

– Хорошо. Я буду называть тебя Кит.

Мальчик снова кивнул.

– А долго еще он будет таким... ручным? – спросил Кит. Марика пожала плечами.

– Не знаю. Но когда он откроет глаза, надо будет его сразу отпустить. А то он может и укусить.

Кит погладил мягкие уши.

– Скажи, Кит... – начала Марика и осеклась, закусив губу. Кит посмотрел на нее, и Марика в который раз удивилась, какими же темными, почти черными были у него глаза.

– Да?

– Тебе очень плохо у нас?

Кит опустил голову и снова принялся теребить кроличьи уши.

– Уже не очень, – неожиданно улыбнулся он, и Марика в изумлении уставилась на него. Она никогда раньше не видела, чтобы Кит улыбался.

* * *

Когда Марика бежала от бабушки Кейзы с завернутым в платок капустным листом, в голове у нее возникла картина будущей дружбы с Кристофером. Она должна была начаться с кролика и впоследствии вырасти в нечто прекрасное и необъятное, как закатное небо. Но реальность сильно разошлась с ее ожиданиями.

Конечно, эпизод с кроликом произвел на Кита большое впечатление. Но если Марике и удалось в определенной степени завоевать его доверие, она все равно ничего не могла поделать с тем, как Кит себя вел. Теперь он стал обращать на нее внимание и даже разговаривать с ней – но иногда Марика задумывалась, не лучше ли было бы, если бы он так и продолжал молчать.

Она помнила слова бабушки Кейзы и искренне пыталась заставить себя жалеть Кита – однако ее сочувствие и внимание не могли изменить его резкий голос или привычку заноситься. Кит обожал хвастаться своим знанием городской жизни и мира вообще, а Марика – не без разумного основания – отказывалась принимать на веру все, что он ей рассказывал. Когда была такая возможность, она прибегала к помощи мамы или бабушки Лагит, которые не хуже Кита знали, как устроен мир, и потому могли в случае чего вывести его на чистую воду. Но и мама, и бабушка были рядом далеко не всегда – возвращаясь из деревни, они часто заставляли обоих детей в слезах, с раскрасневшимися от злости лицами. Лагит старалась мягко их увещевать, Дора строго велела немедленно прекратить ссору – и на время в доме наступал покой. Но длился он обычно не долго.

Как-то раз Дора, устав от их непрекращающихся пререканий, выставила детей на улицу. Стояла осень, солнце уже село, и черные ели медленно качались на фоне бесцветного серого неба. Кит и Марика сначала встали далеко друг от друга, с двух сторон от крыльца, и молча слушали, как скрипят толстые стволы и шумит налетающий ветер. Потом Марика развернулась и пошла на зад, к чурбаку. Но Кит опередил ее – когда она повернула за угол, он уже сидел там, демонстративно вытянув длинные ноги.

– Пусти! – обиженно крикнула Марика, но тут же осеклась. Мама могла услышать ее из дома и еще больше рассердиться. – Это нечестно! – яростно прошептала она.

Кристофер сложил руки на груди и откинулся на стену.

– Пусти меня, Кит! – прошипела Марика зло. Кит усмехнулся.

– Ну знаешь!..

Из Леса раздался вой.

Кит замер, впившись взглядом в Лес.

Вой повторился. Настойчивый, громкий – Марика хорошо знала, как определять расстояние по звуку. Она медленно повернулась и невольно отступила на шаг, заслоняя собой Кита, который, казалось, прирос спиной к стене.

Скрипнула дверь с другой стороны дома, раздался торопливые шаги и из-за пристройки появилась Дора с горящей головней в руке. Она пробежала мимо детей и крикнула:

– *Гитт, Моар! Гитт йаангаин!*

Пламя резко вспыхнуло, *блеснули глаза – спокойные небесно-голубые глаза Волка, – он негромко рыкнул, одним прыжком развернулся и исчез в непроглядной тьме Леса.*

– Быстро в дом, – бросила Дора, не оборачиваясь. Марика заставила себя повернуться – и встретила глазами с Китом. Его лицо было совершенно белым на фоне стены, он сильно

дрожал, но продолжал сидеть. Марика тронула Кита за плечо, он вздрогнул, она трянула его, и тогда он поднялся и медленно побрел к крыльцу.

Дора вошла в дом сразу следом за ними, и Марика с облегчением вздохнула, когда скрипнула тяжелая щеколда. Кит снова вздрогнул.

Все молчали, Марика кусала губу и чувствовала, как дрожит лавка, на которой они сидели с Китом.

– Дети, идите спать, – наконец тихо сказала Лагит. Марика посмотрела на маму. Та глядела на догорающей огонь в очаге и казалась очень уставшей. Они отправились в свою комнату, и Марика слышала, как стучат зубы у Кита, который шел следом за ней.

Ночью у него началась лихорадка.

Марика спала как убитая, но рано утром ее разбудила какая-то возня и приглушенный шепот. Мама и бабушка Лагит стояли рядом с топчаном, на котором спал Кит, и тихо переговаривались. Проход между двумя кроватями был очень узким, и поэтому их спины возвышались над Марикой, уходя под самый потолок. Еще не до конца проснувшись, она принялась разглядывать узоры на маминой юбке, которые перескакивали со складки на складку, образуя новые причудливые фигуры, как вдруг с другой стороны юбки послышался сдавленный стон. Марика приподнялась на локте.

– Мама?

Дора обернулась, узоры колыхнулись и исчезли под полотняным передником.

– Тише, Марика. Все хорошо.

– А кто стонал?

– Кит. У него жар.

– Он заболел?

– Да. – Дора снова повернулась к Киту и склонилась над ним.

Когда мама и бабушка ушли, Марика выскользнула из-под покрывала и тоже склонилась над Китом. Он лежал на боку, свернувшись под тремя одеялами, и все они тряслись всякий раз, когда его пробирал озноб. Марика закусила губу.

– Ты чего? – спросила она.

– Д-дд-в-в-ддд-д... – простучал зубами Кит, потом прикрыл глаза и еще сильнее сжался.

Марика стояла над ним, холодный пол прилипал к босым ногам, а в воздухе клубился запах неустроенности и несчастья.

– Марика! – раздался мамин сердитый голос. – Опять стоишь на холодном полу босая! Почему ты снова сняла носки?

Марика только пожала плечами и забралась на свою кровать под одеяло. Это была одна из главных загадок ее жизни. Каждый вечер она засыпала в носках – и каждое утро носки обнаруживались где угодно, но только не на ее ногах. Что с ними случилось ночью, Марике было неизвестно. Однажды она даже подумала, что это Кит стаскивает с нее носки, чтобы насолить ей. Но ведь они стали пропадать задолго до появления Кита. А сегодня, судя по всему, ему и вовсе было не до носков.

Все утро, пока Марика уныло ковыряла кашу, застывшую в миске плотным студнем, мама и бабушка сновали туда-сюда, что-то относили Киту, доставали настойки, смешивали мази и заговаривали питье, которое вливали в Кита в таких количествах, что Марика удивлялась, как он не лопнет. Это продолжалось весь день и вечер. Ночью Марика спала вместе с бабушкой Лагит на полу в большой комнате, а мама сидела с Китом. Жар не спадал. Кит уже не стучал зубами, только иногда тихонько стонал, и от него шло странное, злое, нехорошее тепло. Весь следующий день Марика очень хотела подойти к нему, но мама и бабушка ее отгоняли.

Она снова легла спать с Лагит, но посреди ночи проснулась и долго лежала, широко раскрыв глаза и уставившись в кромешную темноту над собой. Рядом спокойно, с силой дышала

бабушка, а из их комнаты доносилось сбивчивое сухое дыхание Кита. Марика села, потом тихонько выползла из постели. Носки удивительным образом все еще были на ногах.

Она на ощупь прокралась к проему и прислушалась, но с ее кровати доносилось только ровное дыхание – значит, мама спала. Марика нащупала ногой край кровати и пошарила руками перед собой. Кит все еще лежал под тремя одеялами, и его снова трясло. Марика осторожно провела ладонью по шершавой ткани, цепляясь пальцами за швы между лоскутами. Кит задрожал. Марика легла и с силой обняла бесформенную грудь, которую продолжало трясти.

– Тт-тт-тт-тт... – пробормотал Кит из-под одеял.

– Чш-ш-ш-ш, – едва слышно прошелестела Марика, боясь разбудить маму. – Ты спи, спи.

Кит снова задрожал.

Марика не заметила, как уснула – но когда она проснулась, в дом уже заполз слабый свет предрассветных сумерек. Она быстро обернулась, но мама все еще спала, положив руку под голову. Марика повернулась, приподняла голову и посмотрела на спящего Кита. Его лицо было очень спокойным, и Марика почувствовала исходящий от него тусклый запах отступающей болезни. Она пощупала его лоб – тот был прохладным, гладким от исчезнувшей испарины. Марика тихонько поднялась, прокралась в большую комнату и юркнула под одеяло. Бабушка глубоко вздохнула и перевернулась на другой бок. Марика немного полежала, глядя на неровные серые доски потолка, потом потянулась рукой – и сняла с себя носки.

IV. Волк и Лис

Кейза редко ходила в гости к сестре и племяннице: путь неблизкий, да и нужды особой не было – Марика навещала ее почти каждый день, передавая все новости из одного дома в другой и работая посыльным по мере необходимости. Правда, с приближением зимы внучка прибегала все реже – кому охота тащиться под проливным дождем все утро только для того, чтобы весь день мокнуть по дороге обратно?

Поэтому Кейза ничуть не удивилась, что Марика уже неделю не приходила к ней. Зарядил проливной дождь, да притом с таким ветром, что порой казалось, будто о северную стену дома бьются волны, а не обычный осенний ливень. Но непогода прошла, выглянуло солнце, ветер переменялся на западный и прочесывал растрепанный Лес сухим теплым гребнем, а Марика все не появлялась. Кейза подождала еще пару дней, взяла узловатую палку, без которой никогда не уходила теперь со двора – и пошла через Лес.

Первой, кого она встретила на подходе к дому, была как раз Марика. Девочка стояла посреди двора и делала вид, что кормит кур, хотя на самом деле проверяла их прыть – как только очередная доверчивая квочка подходила к ней слишком близко, Марика резко топала ногой, и испуганная птица с возмущенным квохтаньем отскакивала назад, истерично хлопая крыльями. Петух, в чьи обязанности вроде как входило своих куриц опекать, невозмутимо наблюдал за происходящим одним глазом, прохаживаясь вдоль стен курятника, и делал вид, что это не имеет к нему никакого отношения. При виде Кейзы петух на мгновение замер, наклонил голову, тряхнув красным гребешком, и вдруг с громким кукареканьем взлетел на забор, окончательно переполошив свой и без того встревоженный гарем. Марика обернулась и поставила лукошко с пшеном на землю.

– Здравствуй, Волчок, – окликнула ее Кейза.

– Привет, бабушка! – крикнула Марика, одновременно отпихивая ногой курицу, которая тихонько подкралась к лукошку и принялась клевать пшено.

– Что-то давно ты ко мне не приходила, – заметила Кейза, подойдя поближе.

– У нас тут... происшествие.

– В смысле?

– Ну... произошло. Происшествие.

– Это я поняла. С происшествиями чаще всего так и бывает. А что именно у вас произошло?

Марика шикнула на другую курицу, та недовольно заклохоталась.

– Во-первых, к нам приходил волк.

Кейза прищурилась.

– Когда?

– Вечером! Мы с Китом стояла позади дома, и тут он выходит – прямо к нам! И воет!

– Так. И что же вы сделали?

– Мы испугались, – невозмутимо ответила девочка. – А потом пришла мама и его прогнала.

– И это все?

– Нет. После этого Кит заболел.

– Чем заболел?

– Не знаю. Но у него был ужасный жар, он лежал и не мог встать, да и сейчас тоже все время лежит...

– Но сейчас ему лучше? – уточнила Кейза.

– Ну... – Марика нахмурилась. – Вроде как.

– Он внутри?

– Угу.

Кейза кивнула и проковыляла к дому. На крыльце она обернулась:

– Ты все-таки покорми птиц, Марика.

Петух на заборе одобительно блеснул темным глазом.

* * *

Кейза застала мальчика в кровати – тот сидел, откинувшись на стену и скрестив ноги, и смотрел прямо перед собой. На появление ведьмы Кристофер никак не отреагировал. Кроме него, дома никого не было.

Кейза помедлила, оценивая позу мальчика и выражение лица, после чего подошла и тяжело опустилась на кровать Марики прямо напротив него, ровно в том месте, куда он смотрел до того. Кристофер вздохнул и отвел взгляд в сторону.

Некоторое время они молчали.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила наконец Кейза. Мальчик ничего не ответил.

– Марика сказала, что ты болел.

Кристофер слабо поморщился.

– И что вы видели волка.

Он поморщился еще сильнее.

– И еще она чем-то расстроена.

Кит резко тряхнул головой, откидывая челку со лба, и впервые посмотрел на Кейзу.

– Это она сказала?

– Нет. Это мне так кажется. Но чаще всего мне кажется правильно.

Кит снова посмотрел в сторону.

– Так что у вас тут произошло?

Мальчик опустил взгляд и стал сосредоточенно ощипывать шерстяные нитки на своих носках.

– Кристофер, – настойчиво позвала Кейза.

Он тихо вздохнул.

– Я испугался, – еле слышно пробормотал Кристофер.

– Чего? Волка?

Кит кивнул.

– Ну и что? Это очень правильно. Было бы странно, если бы ты не испугался волка, который вышел из Леса в нескольких шагах от тебя.

Кит вскинул на нее глаза, и они были пронзительно черными.

– Но Марика не испугалась! – почти крикнул он.

– Очень даже испугалась, я думаю.

– Нет! Она не дрожала от страха, как я! И не валялась потом с температурой! И еще... – голос Кристофера сорвался.

– Что?

– Она меня закрыла собой, – прошептал Кристофер. – От волка. А я сидел, как истукан, и не мог даже пошевелиться. Выходит, я – трус.

Кит замолчал и опустил голову.

– Кристофер, – тихо позвала Кейза и слегка подалась вперед. Кит глянул на нее из-под челки. – Марика сама – волк. Она не испугается волка, даже если столкнется с ним нос к носу. Она вообще мало чего боится, и я не скажу, чтобы это было хорошо. Человек должен бояться. Иначе он не научится ничего ценить.

– И что же я ценю, раз так испугался? – грустно спросил Кит.

– Ты ценишь свою жизнь. Это куда лучше, чем бездумно разбрасываться ею направо и налево.

– Но Марика ничем не разбрасывается. Она просто храбрая.

– Марика – это Марика, – жестко отрезала Кейза. – А ты – это ты, Кристофер, и то, что ты, выросший в городе мальчик, испугался волка, не страшно. А вот то, что ты расстраиваешь Марику – очень нехорошо. Может, Марика и храбрее тебя – так что же, ты хочешь ее за это проучить?

Кит удивленно посмотрел на Кейзу.

– Я не хотел ее проучить, – совершенно искренне сказал он. – Мне просто...

– Что?

– Стыдно.

Кейза слегка усмехнулась, после чего встала и побрела к выходу. На пороге она слегка обернулась.

– Стыд – это хорошо, Кристофер, но какой толк в нем другим? Никогда не позволяй своему стыду вставать между тобой и другим человеком. Это несправедливо.

Кит молча глядел из-под золотистой челки.

– А теперь иди на улицу. Я думаю, немного солнца и свежего воздуха пойдут тебе на пользу.

Во дворе Марика носилась кругами, разгоняя испуганных куриц по углам. Корзина с зерном по-прежнему стояла нетронутой.

– Марика, мне кажется, ты занимаешься не тем, – заметила Кейза с крыльца. Марика остановилась, убрала со лба спутанные волосы и виновато покосилась на кур.

– Да, бабушка. Извини. Я сейчас.

Кейза снова усмехнулась, медленно спустилась по округлым ступенькам и поковыляла в сторону Леса. Пройдя по тропинке уже довольно далеко, она остановилась. Лес ровно дышал, как старик, придремавший у очага. Еще немного, пару дождей, пару холодных ветров, и он уснет, и только на белом снегу пойдут цепочки следов, мелких и крупных, испуганных и спокойных, и среди них обязательно встретятся и те, что оставили эти двое.

Кейза прислушалась. Сквозь сонную дремоту осеннего Леса она услышала детские голоса.

– Что ты делаешь?

– Смотри, Кит! Если высыпать зерно по кругу, то они начнут ходить друг за дружкой! Как в хороводе!

На миг все стихло, а потом тишину Леса нарушил дружный детский смех.

* * *

Дора пришла к Кейзе пару дней спустя. Та сидела на крыльце, прислушиваясь к Лесу, – Марика все еще не приходила, видимо, увлеченная общением с Китом, и рассказывать о том, что творится в Лесу, было некому. Приходилось слушать самой.

Кейза нахмурилась, увидев на краю опушки высокую фигуру племянницы. Дора не навещала ее по пустякам – а рассказ детей о волке и о том, что произошло после с Кристофером, наводил на нехорошие мысли.

Ели беспокойно зашуршали, наблюдая, как молодая ведьма останавливается напротив старой.

– Это был не волк, – очень тихо сказала Дора – но Кейза расслышала слова через шорох Леса. Она готова была их услышать.

– Это был *Волк*, – продолжила ее племянница.

Кейза тяжело вздохнула.

– Что ты будешь с этим делать?

– А что я могу с этим сделать? – усмехнулась Дора. – В конце концов, это ты дала ей такое *хедийе*.

– *Хедийе* не дают, – сухо возразила Кейза. – Его видят. И уж точно не я виновата в том, что Марике достался не просто волк.

Глаза Доры вспыхнули – но лицо осталось спокойным.

– А кто виноват? Я?

– Не знаю, Дора, – пожала плечами Кейза. – Это не я сбегала в Кастинию. Не мне и решать, что теперь делать.

Помолчав, она добавила:

– Но, если не сделать ничего, потом будет поздно.

Далеко в Лесу Волк летел неслышной тенью между стволов. Низкие ветви пытались зацепить его, достать, поймать – но Волку не было до них дела. Лес не мог его остановить.

* * *

– Марика, почему ты не испугалась волка?

Они сидели у задней стены пристройки, а на поляну вокруг дома медленно опускались сумерки. Кит притаился сюда второй чурбак – удивительно, почему это не пришло им в голову раньше – и героически смотрел на Лес. Было видно, что ему не по себе, но на предложение Марики уйти Кит ответил решительным отказом.

– Это был не волк, – ответила она, – а *Волк*. Мое *хедийе*, *Моар*. Поэтому я его не боюсь – а ты испугался.

Она опасалась, что он обидится, но Кит только задумчиво кивнул.

– А ты, значит, испугаешься лиса?

– Лиса?

– Ну... *Моего Лиса*? Ты же сказала, что я мальчик-лис. Значит, если у тебя – *Волк*, то у меня – *Лис*.

Марика смерила его серьезным взглядом и уверенно помотала головой.

– Нет. *Хедийе* бывает только у ведьм и магов. Я стану ведьмой – поэтому у меня есть *хедийе*. Но тебе никогда не стать магом.

Кит гордо тряхнул челкой:

– Откуда тебе знать?

– Дети! – позвала Дора из дома. – Ужинать!

Марика тут же сорвалась с места, но Кит помедлил. Посмотрел на Лес, прищурился и пробормотал:

– А вот и посмотрим.

И из Леса раздалось тихое фырканье.

* * *

В курятник кто-то повадился. Дора не могла понять, была ли то лиса или, может, куница – но это и не имело большого значения. Недостача двух куриц была налицо.

– Это нечестно! – обиженно воскликнул Кит. – Их вполне могли бы съесть и мы!

– Ну, Кит, не расстраивайся, – подбодрила его Лагит. – Порадуйся, что у кого-то еще будет праздник.

Кит проворчал что-то невнятное, но, судя по тону, ему было совсем не до радости.

Все погоревали о бесславной кончине двух квочек и хотели было забыть о произошедшем – но на следующую ночь исчезла еще одна курица. Дело принимало серьезный оборот.

– Значит так, – решительно сказала Дора, вернувшись из разоренного курятника, – я схожу к Туру Кийри и попрошу у него капкан. А мы теперь каждую ночь будим сторожить, пока не поймем этого вора.

– Мы все будем сторожить? – радостно воскликнула Марика.

– Все, – кивнула Дора. – По очереди. Ты, Марика, будешь сторожить сразу после заката, я с бабушкой Лагит – ночью, а Кит – перед самым рассветом.

Дети были счастливы.

Тур Кийри сам расставил капканы вокруг курятника и показал, как они работают. Марика вздрагивала всякий раз, когда захлопывались железные челюсти ловушки, и теперь все время с опаской ходила по двору, боясь попасть в одну из них.

Они очень надеялись, что кто-нибудь попадется в самую первую ночь. Марика упорно вглядывалась в темноту, пытаясь уловить какое-то движение, но все было тихо, только в курятнике сонно квохтали куры. Через некоторое время пришла мама и отправила ее домой. Кит уже давно спал, готовясь к своему раннему дежурству. Утром он бесшумно выскользнул из кровати и сменил Лагит, которая прокралась в дом и тихонько легла рядом с Дорой, чтобы немного вздремнуть. На мгновение в хижине воцарилась полная тишина, а потом воздух прорезал громкий крик Кита. Все вскочили и выбежали на улицу.

– Я видел его! – кричал Кит.

– Кого? – спросила Дора, кутаясь в шаль.

– *Лиса!*

– Я же говорила, что это была лиса, – заметила Лагит.

– Да нет же, не лиса, – нетерпеливо махнула рукой Кит. – Я видел *Лиса*.

– *Лиса?* – переспросила Дора.

– *Лиса*. Ну... *Моего Лиса*, – смущенно объяснил Кит. – Понимаете?

Дора медленно кивнула.

– Он вышел из Леса, подошел ко мне, и посмотрел на меня... Так.

– Как?

– Ну... Вот *так*. Странно. И еще... – Кит запнулся.

– Что?

– Мне показалось, он сказал мне, что капканы нужно убрать.

Лагит подняла брови.

– Так и сказал?

– Ну... мне так показалось.

Марика не отрываясь смотрела на опушку Леса. Ей показалось, что она заметила там что-то рыжее.

– Ну что ж, – тихо проговорила Дора. – Раз *Лис* сказал, что их нужно убрать, то мы их, конечно, уберем...

Вдруг она повысила голос:

– Но и он пусть не трогает нас.

Кит обернулся в сторону Леса. *Рыжее пятно метнулось и исчезло.*

В тот же день Дора отнесла капканы Туру Кийри.

– Поймали кого-нибудь? – спросил Тур. Дора покачала головой.

– Нет. Но я боюсь, в них могут вместо этого попасть дети. Быть может, все обойдется.

В тот вечер Дора долго сидела на крыльце. В руках она вертела пучок трав, и с ее губ то и дело срывалось тихое пение.

Далеко в Лесу в это время рыжая тень неслышно пробежала между темных стволов. Лес возмущенно зашумел, но Лис не слышал его. Ему не было дела до законов этого Леса.

* * *

Книги были идеей Кита. Точнее сказать, Кит полагал, что книги – по идее – должны быть в каждом доме. И после первой бесконечно-долгой зимы Кристофер настоял, что их дом не должен быть исключением. Тот факт, что «дом» представлял собою хижину ведьмы на краю света, Кита не особо волновал.

Дора и Лагит не возражали. Обе успели пожить в городе и знали, что книги – это не диковинка или блажь, а совершенно нормальное дело в семье мало-мальски образованного человека. Отец же Кита был весьма образован. Казалось несправедливым лишать мальчика той части его прежней жизни, которую они относительно легко могли ему обеспечить, и поэтому в скором времени по соседству с книгой Доры на полке появилось множество других томов, сильно потрепанных, но безусловно имевших право называться книгами. Их приносил все тот же сборщик податей. В обмен Дора выдавала ему защитные обереги и амулеты. Сборщик продавал их в несколько раз дороже, чем ему обходились книги, но, поскольку Дора плохо представляла себе настоящую цену и того и другого, она ничего не подозревала и была искренне благодарна сборщику за то, что тот брался тащить на себе тяжелые фолианты.

«Улов», как называл свою ношу сборщик, далеко не всегда был удачным, и поначалу Кит всякий раз оставался разочарованным, да и Марика вместе с ним. Первое время она готова была читать и справочники по бухучету, но из рассказов Кита быстро поняла, что книги могут быть куда увлекательнее. Так продолжалось, пока Доре ни надоели расстроенные лица детей. Неизвестно, что именно она сказала сборщику, встретив его на темной лесной тропинке, но с тех пор тот приносил только самые лучшие образцы книгопечатания.

Кит тут же накинулся на тома по истории и военному делу, а Марика пыталась угнаться за ним, хватая то, что мальчик уже успел прочитать. Оказалось, что чтение книг – не такое уж и легкое занятие. Марика читала медленно, то и дело спотыкаясь на незнакомых словах. Она пыталась спросить Кита, но тот, едва взяв в руки книгу, уже не слышал никого и ничего. Тогда Марика решила запоминать непонятное, и спрашивать Кита потом, когда он мог уделить ей внимание, но и тогда Кит важно отмахивался от нее, заявляя, что это слишком сложно объяснять.

Постепенно Марика стала догадываться, что Кит и сам не так уж и много знал. Чем дольше она слушала его рассказы про жизнь в городе, тем больше понимала, что это был точно такой же ограниченный мирок, как и их хижина в Лесу, с тем лишь отличием, что молоко давала не коза, а молочник, а вместо лепешек в булочной продавался хлеб. Рассказы Кита о рыночной площади и ярмарке первое время завораживали Марику – но скоро и они приелись, оставив у нее впечатление, что в городе любят все яркое и шумное и совершенно не ценят тишину. Марика и не догадывалась, насколько на самом деле была права.

Однажды вечером, выбирая, что бы еще почитать, она наткнулась на книжку, которую раньше там не замечала. Строго говоря, это была и не книга даже, а тоненькая брошюрка в потрепанной обложке. Марика прочитала название: «Сказки Леса».

– Кто-нибудь знает, откуда это у нас? – спросила Марика, но все молчали. Кит был погружен в чтение, Лагит шила, сидя у окна, Дора вышла доить козу. Не дождавшись ответа, Марика села на пол поближе к разожженному очагу и стала лениво листать странички.

– Ого! Смотри-ка, Кит. Тут про нас с тобой написали.

– Что?

– Сказка. Про нас с тобой.

– Это сказка про очень надоедливую девочку и очень вредного мальчика? – спросила Лагит, не поднимая головы от шитья.

– Ой, бабушка. Не такая уж я надоедливая, – возразила Марика.

– Но я-то точно вредный, – хмыкнул Кит.

– Вовсе нет, – серьезно отозвалась Марика. – Ты совсем не вредный. Пока не начинаешь вредничать.

Кит снова хмыкнул и отложил книгу в сторону.

– Ну, что у тебя там?

Марика тут же выпрямилась и убрала упавшие на лицо волосы. Она все еще не очень хорошо читала вслух и потому нервничала. Лагит отложила шитье и подняла глаза на внучку. Марика откашлялась и начала:

«И была зима. И была весна. И было лето.

И в первый день осени Королева Леса собрала всех зверей и птиц, всех, кто ползал, бегал и летал. И каждый из них получал от нее дар, и каждый из них взамен должен был жить по законам этого Леса.

И подошли к Королеве Гордый Волк и Дерзкий Лис. И Волк сказал:

– О, моя Королева. Сделай меня сильным и жестоким – потому что я не хочу жить по законам этого Леса.

И Лис сказал:

– О моя Королева! Сделай меня умным и хитрым – потому что я не хочу жить по законам этого Леса.

И Королева ответила им:

– Хорошо. Будь по-вашему. Ты, Волк, будешь сильным и жестоким, и ты, Лис, будешь умным и хитрым. Но наступит день, когда ты, Волк, станешь слабым, и ты, Лис, станешь глупым. И тогда вас будут судить по законам этого Леса.

И было по ее слову. Волк был сильным и жестоким, и никто, даже сама Королева, не смел указывать ему. И Лис был умным и хитрым, и никто, даже сама Королева, не мог заставить его повиноваться себе.

Но настал день, когда Волк стал слабым. И настал день, когда Лис стал глупым. И тогда Лес осудил их по своим законам.

Ибо в тот день они перестали быть Волком и Лисом».

Марика отложила книгу. В тишине тихо потрескивал огонь.

– Я одного не могу понять, – заговорил наконец Кит. – А зачем Волку было становиться слабым, а Лису – глупым? У них же был дар от Королевы.

– Но ведь она сама сказала, что однажды будет так, – возразила Марика.

– Значит, она им не подарила силу и ум, а дала займы? На время?

– Нет, Кристофер, – раздался от двери голос Доры. Дети одновременно вскинули на нее глаза. Они не слышали, как она вошла. – Просто любой дар однажды становится проклятием. Если тебе нечего дать взамен.

Дети долго молчали.

– Мама, – позвала наконец Марика. – А это правда сказка про нас с Китом?

– Может быть. Если вы тоже хотите никого не слушаться.

Дети тяжело вздохнули – и пошли накрывать на стол к ужину.

* * *

– Марика? Ты спишь?

– Нет еще.

– Скажи, а ты хотела бы стать сильной? Такой сильной, чтобы никто тебе был не указ?

Марика немного помолчала.

– Наверное, – наконец неуверенно прошептала она. – Но я бы все равно слушалась маму. И бабушку Лагит. И бабушку Кейзу.

– Почему?

– Потому что они... Они же любят нас. Я не хочу их... расстраивать.

Кит неопределенно хмыкнул.

– А ты, Кит? Ты бы хотел стать умным и хитрым, как Лис?

– Может быть, – прошептал он в ответ. – Но тогда меня точно никто не будет любить.

Так что, может, и нет.

– Я буду, – уверенно прошептала Марика.

– Даже если я стану противным хитрым Лисом? – хихикнул Кит.

– Конечно. Я же стану большим страшным Волком! – Марика громко щелкнула в темноте зубами, и они оба покатались со смеху.

– Дети! – прикрикнула Дора из комнаты. – Ну-ка быстро спать! Чтобы больше ни звука!

Они снова рассмеялись, но на этот раз почти беззвучно. Дора сделала вид, что ничего не слышит. Наконец оба успокоились.

– Спокойной ночи, Лис, – прошептала Марика и повернулась на бок, устраиваясь поудобнее.

– Спокойной ночи, Волк, – пробормотал Кит и зарылся глубоко под одеяло.

Далеко в Лесу мягкие лапы бесшумно пробежали по земле. Мелькнул серый хвост, мелькнул рыжий хвост. На мгновение они оказались рядом, покружились, сминая прелые прошлогодние листья, и разбежались в стороны. Лес тихо вздохнул и беспокойно шевельнул ветвями, посылая им в спины холодный ночной ветер. Ледяной воздух со свистом пролетел между деревьями, встревожив зверей и птиц, – но ни Волка, ни Лиса он так и не смог догнать.

Эти двое были неподвластны законам Леса.

V. Олень

Во всем был виноват Тур Кийри. Так, во всяком случае, считала Марика. Если бы не староста, ей бы не пришлось тащиться на озеро с Китом в такую рань, да еще и с коробочкой отборных дождевых червяков в руке. Коробочка была совсем не тяжелой, но содержимое Марике не нравилось. Конечно, будучи дочкой и внучкой ведьмы, она была довольно нечувствительна к такого рода вещам, но все-таки считала, что дождевые черви – не самые симпатичные существа на земле. Особенно, когда их напихано в коробочку больше десятка.

Как-то раз Тур позвал Кита с собой на рыбалку. Они с сыном иногда ходили на озеро, и часто Тур заносил потом часть улова Доре и Лагит. Староста, наверное, считал, что придумал для Кристофера отличное развлечение, но Марика была с ним совершенно не согласна. С того самого утра Кит просто свихнулся. Он целыми днями мастерил удочки и прочие хитроумные снасти, а еще непрестанно откапывал в огороде дождевых червей. Тур великодушно разрешил Киту пользоваться своей лодкой, когда та была ему не нужна, и теперь раз в несколько дней Марика должна была вставать ни свет ни заря и идти с Китом на озеро: он не мог в одиночку столкнуть лодку в воду и вытащить потом на берег.

Озеро лежало недалеко от деревни. Оно выгибалось тонкой дугой, с одной стороны открывая плоский песчаный пляж, а с другой подступая к отвесным серым скалам, поросшим кое-где густым ельником. Деревенские дети иногда купались в озере, хотя в начале лета по нему еще плавали редкие льдинки. Вода здесь была очень прозрачной, голубоватой, темнея там, где дно круто уходило вниз. Местные мальчишки рассказывали, что в глубине озера живет чудовище, но Марика не очень верила этим историям. Если чудовище и впрямь там жило, то почему его никто никогда не видел? Все страшное однажды можно увидеть. Иначе это не страшное, а просто выдуманное.

И все же ей было немного не по себе всякий раз, когда они с Китом выплывали на середину озера. Но дело было летом, солнце нежно подсвечивало воду, бросая в лицо яркие блики, в деревьях на берегу пели птицы, а рыба радостно плескалась, пуская по идеальной поверхности озера тонкие круги. Нет, вряд ли тут обитало чудовище. Иначе рыба не вела бы себя так неосторожно.

Поначалу Марика брала с собой в лодку книгу и, пока Кит возился со снастями, сосредоточенно читала – точнее, пыталась читать, потому что мальчик то и дело просил ее помочь. Снасти путались, цеплялись за руки, от них пахло тиной и тухлой рыбой, и Марика потом никак не могла смыть с рук этот запах. Вскоре она заметила, что книги тоже пропитываются им, и с чтением в лодке пришлось покончить. После этого Марика просто скучала и лениво отгоняла комаров и слепней, которые мгновенно начинали кружиться над лодкой, стоило Киту перестать грести.

Дети возвращались домой искусанные, мокрые – и без единой рыбины, хотя Кит постоянно совершенствовал свое снаряжение и забрасывал Тура вопросами всякий раз, когда тот приходил в хижину. Староста обстоятельно все объяснял, а на следующее утро Кит будил Марику, желая испробовать все советы в деле. Она зевала и нехотя вылезала из теплой постели, Кит в это время уже наливал в кружки вечернее молоко и деловито ломал лепешки на части. Одну порцию они съедали вместе с молоком, другую Кит прятал во внутренний карман куртки. «Про запас», – говорил он серьезно. Потом Дора часто вытряхивала из куртки окаменелые куски и сердито ворчала. Но Кит в это время или читал, или возился со снастями, и потому не слышал ее упреков.

Утро было звонким, горячим – солнце сушило росу на траве, насекомые гулко жужжали, пролетая над головой. Марика остановилась и перехватила коробочку с червями поудоб-

нее. Кит быстро шагнул впереди, и, чтобы его догнать, Марика пустилась бегом, споткнулась о корень и растянулась на тропинке. Кит обернулся.

– Марика! – расстроено воскликнул он.

– Я в порядке, – поспешила ответить девочка, поднимаясь на четвереньки и осторожно садясь.

– Ты рассыпала червяков!

Марика посмотрела на землю. Крышка отлетела, и несчастные червяки валялись по всей тропинке, смешно изгибаясь и сворачиваясь кольцами. Кит кинулся их собирать.

– Помоги мне, – велел он, не подымая головы.

– Кит, я коленку разбила.

– Да ну ее, твою коленку! Надо червяков собрать. Я целый день их выкапывал.

– Кит! Я ушиблась!

– Сама виновата, – заметил Кит, любовно укладывая червяков на место. – Надо было под ноги смотреть.

– Ну знаешь что!.. – от злости Марика не смогла закончить. Она неловко встала, схватившись рукой за коленку. – Оставайся со своими драгоценными червяками! Я пошла домой!

Она заковыляла по тропинке в сторону дома.

– Ну и пожалуйста! – крикнул ей в спину Кит. – И без тебя справлюсь!

– Да?! – Марика развернулась к нему. – Зачем же ты тогда таскал меня с собой все это время? Раз ты и один прекрасно мог справиться?

Она ждала, что Кит извинится и скажет, что она ему, конечно, очень нужна, и без помощи Марики ему никак не обойтись. Она даже готова была поломаться немного и простить его, так уж и быть – но Кит зло тряхнул челкой, сгреб оставшихся червяков вместе с песком в коробок, резко выпрямился и пошел в сторону озера, не сказав больше ни слова. Марика все стояла и смотрела ему в след. На глаза навернулись слезы. Наконец она повернулась и медленно побрела к дому.

Далеко в Лесу Лис вышел из-за дерева навстречу Волку. Рыжая шерсть светила в сумраке, узкая морда ощерилась в хитрой ухмылке.

Волк нахмурился, зарычал – и прыгнул вперед. Лис увернулся, залился веселым тьявканьем и исчез в тени вековых елей рыжей стрелой. Серая тень промчалась следом. Лес тяжело вздохнул, предчувствуя бурю, и туман разлился в душном стылом воздухе, скрывая Волка и Лиса.

* * *

– Я ведь не должна с ним ходить, правда, мама?

Дора наложила на ссадину еще один слой мази и легонько подула.

– Нет, конечно. Если ты не хочешь ему помогать.

– Не хочу!

– Тогда и не ходи.

Марика вздохнула. Мама часто отвечала на ее вопросы именно так, как она того и хотела, вот только слова при этом означали что-то прямо противоположное.

– В этом нет никакого смысла! Все равно у Кита ничего не получается поймать.

Дора обмотала повязку вокруг колена и крепко завязала концы.

– Так я и говорю – не ходи. Раз в этом нет смысла.

Марика снова вздохнула.

День был жарким. К полудню воздух стал таким тяжелым, что, казалось, его невозможно вдохнуть. Солнце висело в душном мареве, будто застряв там навсегда.

– Нехорошая погода, – заметила Лагит, возвращаясь со двора в относительную прохладу хижины. – Быть грозе.

– Кит не сказал, когда вернется? – спросила Дора.

Марика пожала плечами. Ей было совершенно все равно, вернется ли Кит вообще.

Они поели жидкий щавелевый суп. Небо за окном стало хмуриться, набухать, теперь оно давило тяжелой серой шапкой, под которой замолкало все живое.

– Марика, пойдика,ними белье на улице, – велела Дора. – Только осторожнее с повязкой.

Девочка кивнула, схватила пустой ушат и вышла во двор. Белье на веревке не раскачивалось, как это бывало обычно, а висело тяжелым грузом, застыв в плотном воздухе. Марика принялась снимать одну вещь за другой, аккуратно складывая их стопкой в ушат. Раздался глухой раскат грома. На крыльцо вышла Лагит.

– Кит не вернулся?

Марика покачала головой. Лагит скрылась внутри.

Неожиданно налетел ветер, сильный, яростный, он вырвал сорочку из рук Марики и швырнул на крышу хлева. Взметнулась пыль, с крыльца слетело пустое жестяное ведро и с грохотом покатилося по двору.

– Живо домой! – крикнула Дора в открытую дверь. – Гроза идет.

Марика замерла.

Кит еще не вернулся. Он на озере. В грозу. Один.

– Мама, я сейчас! – крикнула она и понеслась прочь. На мгновение ветер затих, как будто собираясь с силой, а потом ударил снова. Где-то в Лесу затрещало дерево. Марика бежала.

Далеко в Лесу Волк и Лис остановились и прислушались. Ветер бушевал в деревьях – но эти двое слышали только одно. Дыхание бегущей девочки.

Ливень застиг ее еще в Лесу, и сначала Марика не заметила его силы, но, когда она выскочила на открытый склон холма, ее обдало волной ледяной воды. Марика тут же промокла до нитки. Она побежала дальше.

Гром зло раскатывался далеко в горах, деревья гнулись и стонали, вода застилала глаза. Когда Марика прибежала к озеру, его было не узнать – все скрывала серая стена дождя, и только неподалеку на пляже чернели одинокие пятна лодок.

– Кит! – крикнула Марика. Голос потонул в раскате грома.

– Кит!

Она подбежала ближе к воде. Теперь стало видно, как бурлит и вспучивается поверхность озера. Вода стала черной, по ней пробегали пенные гребни.

– Ки-и-и-и-ит!

Марика вспомнила, что они обычно уплывали чуть в сторону, левее по берегу, и она кинулась туда. Сразу за пляжем начинались заросли кустарников, Марика стала продираться сквозь них, мокрые ветки хлестали ее по лицу, и неожиданно Кит возник рядом. Они вместе вывалились на пляж, ливень обдал их новыми потоками воды, а над другим берегом озера вспыхнула молния.

– Что ты там делал?! – закричала Марика, стараясь перекрыть шум бури.

– Меня вынесло на берег в другом месте! – прокричал Кит в ответ. Он тоже был мокрым насквозь и ужасно грязным. Внезапно взгляд Кита застыл на ногах Марики. – Что это с тобой?!

Марика посмотрела вниз. Повязки не было, и из бывшей ссадины теперь лилась кровь, размывая дождевой водой.

– Наверное, в кустах содрала, – пожала она плечами.

В этот момент на пляже появилась Дора. Она подлетела к детям, схватила их за руки и потащила за собой. Они бежали по тропинке, а Лес вокруг шумел и стонал, за спиной гремели раскаты грома, Марика крепко держалась за мамину руку и старалась не спотыкаться.

Дома Дора и Лагит растерли обоих детей жгучей мазью, влили в них по кружке крепкого отвара и отправили в постель. Кит и Марика лежали в темной комнате и слушали, как дождь бьется о крышу и стены дома.

– Знаешь, Марика, – тихо пробормотал Кит, – я тут подумал...

– Что?

– Ну ее, эту рыбалку. Все равно в ней нет никакого смысла.

– Никакого, – кивнула в темноте Марика.

Далеко в Лесу свирепствовала буря. Деревья ломались и падали, звери попрятались в укрытия и в ужасе ждали, когда утихнет гроза. Но Волка и Лиса среди них не было.

Эти двое никогда не слушались законов Леса.

* * *

– Я устала.

– Ты все время устаешь!

– Это потому, что я болела.

– Ну и что? Я тоже болел.

– Так это когда было.

Кит остановился и задумчиво посмотрел наверх, туда, где на зеленых ветвях елей искрился тяжелый белый снег.

– Уже больше года назад, – согласился он, не отрывая глаз от неба. Потом оглянулся на Марику. Кит еще сильнее вырос, поэтому теперь ему пришлось слегка наклонить голову. – Странно, правда? Я уже два года живу у вас. Вроде столько времени уже прошло, а вроде и совсем немного.

Марика кивнула, задумчиво отковыривая ногтем кору с толстого ствола.

– Пойдем, – вздохнула она наконец.

– Ты же устала.

– Угу. Но, по-моему, мы тут быстрее замерзнем, чем отдохнем.

– Это точно.

Они побрели дальше по тропинке, медленно переставляя большие снегоступы, привязанные к валенкам. Последние две недели не переставая мело, а теперь разъяснилось и ударили морозы. Пушистые сугробы разлеглись повсюду и серебристо сверкали, как будто специально приглашая зарыться поглубже в их мягкую белизну. Всю прошлую зиму Кит не мог отказать себе в таком удовольствии – в городе он никогда не видел столько снега. Однако со временем Кит понял, что снег только на вид такой мягкий и пушистый. В действительности же тот мгновенно превращался в жесткие противные ледышки в рукавах и внутри валенок. И если после прогулки во дворе дома всегда можно было сразу вернуться, снять с себя мокрую одежду и переодеться в теплую и сухую, то во время походов к бабушке Кейзе приходилось так и идти дальше промокшим и продрогшим. Поэтому теперь Кит уже не позволял себе чуть что валиться в сугроб – и очень сердился, когда Марика запускала в него снежком.

Кит шел впереди, прокладывая дорогу, Марика утаптывала за ним рыхлый снег, превращая их следы в хорошую тропинку. Быть может, им повезет, и они успеют пройти по ней еще раз или два, пока новый снегопад не заметет все следы. Марика украдкой вздохнула.

Поначалу они ничего не услышали – снег вокруг заглушал любой звук, и только серебряная пыль, посыпавшаяся с веток далеко впереди, предупредила их, что что-то приближается к ним. А потом из-за пыли показался огромный коричневый зверь, он несся им навстречу, играя бликами и разбрасывая в сторону бледные зимние тени, Кит неловко отскочил в сторону, упал в сугроб, потянул за руку Марику, она тоже упала, и в этот момент мимо них промчался олень,

с треском ломая нависшие над тропой хрупкие промороженные ветки. Снег, который взметнули его копыта, осыпался вниз, поблескивая на солнце. Дети тяжело дышали.

Кит неловко поднялся, набрав полные рукава снега, и помог выбраться Марике. У обоих на одежде теперь сияли белые снежные заплатки.

– От кого это он так бежал? – нахмурилась Марика, и посмотрела в ту сторону, откуда появился олень. Напугать такого крупного зверя могло только что-то очень серьезное – например, стая волков...

– Смотри! – Кит дернул ее за рукав.

Марика обернулась. Олень лежал в нескольких десятках шагов от них. Из бока торчала стрела.

– Это охотники, – сказал Кит, и Марика облегченно вздохнула.

Они подошли к оленю. Зверь лежал, утопая в пушистом снегу, уставившись карим глазом в чистое синие небо. У передних ног, там, где была стрела, снег стал красным и таял, оседал, пропитываясь свежей кровью. Кит разглядывал раскидистые рога, в которых запутались поломанные веточки. Марика обошла оленя со спины, присела на корточки и провела рукой по его шкуре, шершавой, цвета сосновой коры и тяжелого лесного песка.

– Красивый, – прошептала она. Кит молчал.

Послышались чьи-то голоса, и дети одновременно обернулись. Снова посыпался снег, и Кит увидел Тура и его сына, которые торопливо шли, припечатывая снег широкими дощечками лыж.

– Вон он! – радостно крикнул Тур, и охотники ускорили шаг.

– Здравствуй, Марика, привет, Кристофер! – староста помахал рукой детям. – Смотрите, какого красавца подстрелили. Три сотни фунтов, а то и больше.

Марика опустила глаза и снова провела рукой по шкуре.

– Теперь всем мясо будет, – продолжал Тур, осторожно вынимая стрелу. Кит быстро отвел глаза.

– Идем, – пробормотал он. Марика тут же поднялась на ноги.

– Домой спешите? – спросил Тур, когда дети уже начали уходить. – Правильно. Скоро и солнце сядет. Маме и бабушке низкий поклон от меня. Скажите, что я им оленины завтра занесу.

Кит ничего не ответил и продолжил идти вперед. Марика помедлила, обернулась и слабо кивнула:

– Я передам.

* * *

Через два дня Дора приготовила жаркое. Большую часть мяса, которое принес Тур, они с Лагит приготовили к засолке, а самую мякоть срезали, порубили на мелкие кусочки и потушили в горшке с овощами. Дети, вернувшиеся с прогулки, потянули носами, чувствуя запах еды.

– Сегодня у нас мясо! – весело сказала Дора. Обычно после этой фразы Кит и Марика начинали прыгать, как бешеные. Конечно, Дора с Лагит старались, чтобы дети зимой питались получше, но редко на столе бывало что-нибудь, кроме курятины. Слово «мясо» всегда означало праздник.

Марика замерла у двери. Кит выронил задубевшую рукавицу.

– Это оленина? – тихо спросила девочка.

– Ну да, – с недоумением ответила Дора. – Вы же сами видели оленя, которого Тур уложил. Теперь у нас будет мясо на остаток зимы.

Марика кивнула. Кит медленно наклонился и поднял рукавицу с пола.

Дети неловко, будто во сне, разделись, повесили промокшую одежду у очага и ушли к себе в комнату. Дора и Лагит переглянулись и начали накрывать на стол.

– Обед готов, – позвала Дора. Марика и Кит сели на лавку и уставились в плоски перед собой невидящим взглядом.

– Да что с вами, дети? – не выдержала Дора. – Вы что, не голодные?

Кит молча покачал головой.

– Значит, я зря старалась? – голос Доры набирал силу. Марика невольно сжалась. – Готовила, отбирала для вас лучшие кусочки...

– Дора, – вдруг перебила ее Лагит, до того внимательно наблюдавшая за детьми. – Оставьте их в покое. Не хотят есть – и не надо.

– Но ведь все пропадет...

– Не пропадет. Поставим горшок к двери, завтра доедим. Идите к себе дети, если и впрямь ничего не хотите.

* * *

Ночью Марика проснулась от кошмара. Ей снилось, что она снова встретила в Лесу оленя. Он смотрел на нее грустно и слегка качал головой.

– Кит! – шепотом позвала Марика.

– М-м-м?

– Ты спишь?

– Теперь нет, – проворчал он сонно.

– А вдруг мы не правы?

– М?

– Он ведь все равно умер. А мы не хотим есть. Получается, его как будто зря убили.

– Кого?

– Оленя.

– М-м-м.

– Кит?

С соседней кровати донеслось мерное сопение.

Марика еще немного полежала, потом села, нашарила под одеялом носки и надела их. Бесшумно проскользнула в большую комнату и юркнула к входной двери, от которой веяло ночью и морозом. Провела пальцами по полу, пока не наткнулась на глиняный горшок, и медленно понесла его к столу, ощупывая путь ногами. Глаза постепенно привыкли к темноте, она могла различить маленький квадрат окошка и гладкую поверхность стола под ним. Когда Марика ставила горшок, он тихонько стукнул. Марика замерла, прислушалась, но Дора и Лагит крепко спали.

Она осторожно сняла крышку и сунула руку внутрь. Жир застыл и теперь мягко прилипал к пальцам. Марика достала руку и облизнула ее.

Слева появилась бледная тень. Марика повернулась к Киту, но лица в темноте было не разглядеть. Она снова засунула руку и выковыряла из жира что-то, что больше всего походило на кусок мяса.

– Ты будешь? – спросила она шепотом.

– Угу.

Марика протянула ему кусок, потом снова полезла в горшок и отыскивала следующий. Они ощупью сели на лавку и принялись есть, и каждому в темноте виделись раскидистые рога и теплая шерсть, и еще глаза, карие и печальные.

Утром Дора обнаружила на столе пустой горшок из-под жаркого и Марику с Китом, уснувших прямо на лавках. Оба оказались ужасно чумазыми, но лица детей были серьезными и спокойными.

Дора тихонько убрала горшок со стола и пошла доить козу.

VI. Горы

Кит хотел путешествовать. Марика и сама была бы не прочь выбраться за холмы, посмотреть, как живут люди в Аргении – но Кит хотел большего. Его отец был мореплавателем, видел самые разные страны, само его имя, Кристофер, было не аргенским и даже не изульским, а привезенным из дальних заморских земель. И Кит хотел того же. Открывать неизвестное. Холмы... Он бывал за ними, жил там и знал, что ничего интересного за холмами не найти. Нет, Кита манило иное.

Весна уже совсем прогнала зиму: даже в густой чаще снег растаял, зазеленела трава, темные ели пустили молодые побеги. Теперь дети готовы были весь день проводить на улице – Доре с трудом удавалось заставить их помогать по дому. Они убегали в Лес рано утром и возвращались на закате, усталые и голодные. Марика забросила занятия колдовством, хотя в последний год Кейза стала особенно серьезно относиться к ее обучению. Даже Кит больше не сидел над своими книгами, хотя Дора всячески поощряла это его занятие, заставляя не только читать, но и тратить бесценную бумагу на выписывание целых абзацев. Марика, округлив глаза, спрашивала:

– Но зачем? Ведь это уже записано в книге!

– Потом пригодится, – неопределенно отвечала Дора. Впрочем, сам Кит не возражал – возможно, потому что использование бумаги делало его особенным, отличало от Марики, которой не давали ни листочка, кроме как для занятий колдовством. «Зачем тебе?» – спрашивала Дора – как будто Марика могла потратить бумагу на что-то более бесполезное, чем переписывание уже написанного.

Но с приходом тепла Кит перестал заниматься этой бессмыслицей. А когда раскисшая земля высохла, и тропинки в Лесу перестали быть топкими и грязными, он заявил:

– Я хочу отправиться в поход.

Дора доела последнюю ложку каши – разговор проходил за завтраком – и внимательно посмотрела на мальчика:

– И куда бы ты хотел отправиться?

– На ту сторону гор.

Марика изумленно уставилась на Кита. Лагит приподняла тонкие брови.

– Очень хорошо, – невозмутимо похвалила Дора. – И как ты думаешь, сколько дней тебе на это понадобится?

– Думаю, дня три туда, ну и столько же обратно, – уверенно бросил Кит, как делал всегда, когда ему казалось, что взрослые принимают его за равного.

Марика поморщилась. Брови Лагит поднялись еще выше, а Дора поджала губы – возможно, чтобы не улыбнуться.

– Что ж, – сказала она совершенно серьезно, – к такому путешествию надо основательно подготовиться.

– Ты сможешь нам? – с надеждой спросил Кит, чуть растеряв свою уверенность от едва сдерживаемого восторга.

«Нам! – фыркнула про себя Марика. – Он даже не спросил меня, хочу ли я с ним пойти».

Разумеется, Марика хотела пойти. Более того, она не простила бы Кита, если бы тот решил отправиться в поход без нее. Но ведь он мог бы сам быть в этом не настолько уверен! Может, ей надо сказать, что она никуда не пойдет – просто чтобы Киту пришлось хоть немного ее поугаваривать?

– Помогу, – между тем ответила Дора на вопрос Кита. – Я даже пройду с вами немного вперед, переночую с вами одну ночь в Лесу – чтобы вы знали, как все правильно сделать.

Марика надулась. Теперь, конечно, отказываться было глупо. Она еще могла бы убедить остальных – и даже, возможно, себя – что не хочет идти с Китом. Но если с ними отправится мама...

Марика тихонько вздохнула – и улыбнулась. Зато хотя бы один день Кит не будет пытаться командовать. Это тоже было неплохо.

* * *

В то утро, когда они вышли, стоял густой туман. Ничего удивительного в этом не было – солнце и так светило непростительно долго для Туманного края – но Кит расстроился. Он уже успел нарисовать себе в голове картину их путешествия, радостного, яркого, простого и увлекательного. И серая мгла, липнущая к коже промозглым холодом, в эту картину никак не вписывалась.

– Еще и дождь пойдет, – бурчал он, шагая вслед за Дорой. Она остановилась и прикрыла глаза.

– Нет, – ответила Дора спустя мгновение. – Дождя не будет.

Кит, кажется, не поверил. Дернул плечом, обогнал Дору и пошел вперед, ударяя ладонью по прошлогодним сухим стеблям.

Дорога вглубь гор продолжала путь, начатый за холмами. По пути она заворачивала в Дрик, рядом с которым жила бабушка Кейза, но Марика никогда не заходила в эту деревню, и Дора тоже повела их в обход по узкой дорожке. Через несколько сотен шагов тропа начала взбираться по склону между елей и камней. Это все еще был Лес, но Марика чувствовала, как он начинает меняться, уступая место чему-то более значительному. На одном из подъемов, устав смотреть в спину Киту, Марика обернулась – и завопила:

– Смотрите!

Туман накрывал склоны и долину внизу густой молочной пеной, но отдельные верхушки торчали из него, будто нарисованные углем – Лес тянулся до самого горизонта, распадаясь на слои и планы, стирая границу между дальним и ближним, известным и неизведанным.

– Красиво, – согласилась Дора. Кит промолчал – но Марика и этому была рада. Если бы ему не понравилось, он непременно сказал бы об этом.

* * *

Ночевать с Дорой было интересно и совершенно не страшно. Она показывала, как из еловых веток устроить лежанку, как разводить костер – оказалось, это совсем не то же самое, что зажечь огонь в очаге дома. Кит спал отдельно, а Марика лежала рядом с мамой, и ночные звуки совсем не пугали ее. Это был ее Лес.

Утром Дора помогла им с завтраком, убедилась, что костер правильно потушен – и отправилась домой. Дети смотрели ей вслед, пока она не скрылась за деревьями.

– Ну что, – сказал Кит, повернувшись туда, где в тумане скрывались вершины гор. Марике показалось, что его голос звучал немного неуверенно. – Два дня туда – и три обратно. Идем?

* * *

– И ты отпустила их? – Кейза прищурилась. Дора лишь пожала плечами. Старая ведьма покачала головой.

– Они могут заблудиться. Подвернуть ногу. Или подраться – это, наверное, вероятнее всего. С них глаз нельзя спускать.

– Они знают Лес, – возразила Дора. – И, я уверена, не бросят друг друга в беде. А если их не отпускать, то рано или поздно они...

– Что? – жестко усмехнулась Кейза. – Убегут сами? На это ты рассчитываешь? Что если отпустить их в горы – они не уйдут в город?

– Нам их не удержать, – голос Доры был мягким, уверенным. – Рано или поздно один из них подойдет слишком близко – и нам придется вести его в Круг. Ты знаешь, кто эти дети. Нам не справиться с ними. Ни тебе, ни даже мне.

– Это не значит, что ничего нельзя сделать сейчас, – глухо сказала Кейза, пристально глядя на племянницу.

Дора покачала головой:

– Их ладони потемнеют. Этого не остановить.

– Я бы попыталась, – заметила Кейза. – Законы Леса никто не отменял.

– Но те двое им неподвластны, помнишь? – усмехнулась Дора.

Вот только ее глаза были очень печальными.

* * *

В середине второго дня Марика подумала, что, возможно, Кит все-таки ошибся насчет трех дней. Они шли и шли, а вершины ближе не становились. К полудню туман немного рассеялся, превратившись в редкие облака – хотя небо все равно не было ясным, – и стало хорошо видно, сколько еще им предстоит пройти. Тропинка становилась все уже и взбиралась все круче. Но Кит упорно шел вперед, и Марика не хотела о чем-либо его спрашивать.

Они долго не могли найти место для ночевки – а когда нашли, оказалось, что вместо земли там сплошь камни, лишь немного прикрытые тонким слоем мха. Но они уже слишком устали, чтобы искать что-то еще, да и солнце клонилось к закату. Костер тоже удалось развести далеко не сразу – Кит никак не мог высечь искру, хотя у Доры это всегда получалось с первого раза. Марика начала замерзать и вздохнула с облегчением, когда пламя наконец разгорелось. «Если все-таки пойдет дождь и все промокнет, – подумала она, – нам не удастся развести костер». Марика зябко поежилась.

Кит сделал лежанки из лапника, как учила Дора – у него это получилось не так складно, но он все равно гордился собой. Готовить ужин Кит предоставил Марике, не удерживаясь, впрочем, от советов. Она огрызалась, злилась, а каша в результате получилась безвкусной и комковатой. Кит морщился, пока ел, Марика злилась еще сильнее.

Спать договорились по очереди, чтобы следить за костром – как учила Дора. Марика смотрела на пламя, слушала тихое дыхание Кита, шорох Леса...

На границе света, отбрасываемого костром, она увидела две пары глаз. И тут же Лес зашумел, заволновался, ветер прибил пламя к земле... Марика моргнула – костер горел ровно, и из темноты на нее никто не смотрел. Перед рассветом она разбудила Кита.

Далеко в Лесу между деревьями промелькнуло две тени – серая и рыжая. Лес пытался поймать их, задержать спутанными ветвями, встать на пути густыми зарослями – но ничего не вышло. Те двое были неуловимы.

* * *

– Нам нужно идти направо! – упрямо повторил Кит.

– Но тогда нам придется пересечь тот ручей.

– Мы иначе не поднимемся, кроме как вдоль него. Тут становится все круче.

Марика надула губы и отвернулась.

– Я считаю, что нам нужно возвращаться обратно, – буркнула она, глядя на долину поверх деревьев. Они вышли из Леса на открытый склон – теперь снова стало видно, как высоко они поднялись. Но до вершин было по-прежнему очень далеко.

– Но мы еще не перебрались через горы!

– Кит, – Марика повернулась к нему – и что-то в ее взгляде напомнило Киту Дору. – Мы никогда до них не дойдем. Это слишком далеко, а у нас еды осталось на сегодня – и вернуться обратно. И я не вижу разницы – идти еще день вперед или вернуться сейчас.

– Ты просто устала, – фыркнул Кит пренебрежительно.

Марика еще сильнее надулась.

– А ты как будто не устал!

– Нет!

– Ну конечно!

Они зло глядели друг на друга.

– Я иду домой, – наконец сказала Марика.

– Ну и иди, – буркнул Кит.

Она устала себе под ноги. С одной стороны, страшно хотелось настоять на своем, развернуться и уйти. С другой...

– А ты пойдешь дальше один? – спросила она немного неуверенно.

– Да, – отрезал Кит и тряхнул челкой. Марика еще немного постояла, а затем пожала плечами.

– Тогда пока, – сказала она и стала спускаться обратно, к месту их стоянки.

Кит не окликнул ее.

Отойдя немного, Марика в первый раз почувствовала укол совести. Они так не договаривались – идти по одному. И сами решили: три дня в одну сторону и три дня – обратно. Марика была уверена, что маме бы это не понравилось бы.

Пройдя еще пару сотен шагов, Марика остановилась как вкопанная.

Они не поделили вещи и еду. Дора уложила их котомки не поровну, а так, чтобы каждый нес равный вес. Да и как поделишь на двоих котелок? Он был у Марики. Но большая часть еды – у Кита. Она несла теплые вещи. Он – большой нож.

Марика стояла посреди Леса. Выглянуло солнце, птицы щебетали, перепархивали с ветки на ветку над головой.

«Надо его догнать», – подумала Марика и побежала наверх.

Она быстро устала – и понятия не имела, как далеко успел уйти Кит. Выбежала на поляну, где они расстались, но там было пусто и тихо. Куда он пошел? Они спорили, Кит хотел идти направо, к ручью... Марика огляделась – справа виднелось что-то, что можно было при желании принять за тропу. Но так было только в начале. Дальше деревья и камни все больше мешали идти, преграждали путь. Марика обходила самые непролазные места, все сильнее запутываясь, идет она направо или строго вверх, вперед или назад...

«Я сейчас заблужусь тут, – подумала она. – Не найду Кита и сама не вернусь домой».

– Ки-и-и-и-ит! – закричала она – но вокруг стояла тишина, прерываемая лишь несносными птицами.

Она заблудилась. Вдали от дома. В горах. Одна. Марика села на камень и заплакала, опустив голову.

А на поляну вышел Волк. Она заметила движение краем глаза, подняла взгляд – и увидела его прямо перед собой. *Он был большим, серебристо-серым.* Безумно красивым – у Марики захватило дух от величия, которое тот излучал. *Волк долго смотрел на нее – взгляд невозможных голубых глаз был спокойным, умным, а потом он вдруг убежал с поляны.* Марика хотела окликнуть его, попросить остаться – и в тот же момент услышала вдалеке: «Марика-а-а!»

Она вскочила и побежала на голос. Теперь деревья и камни уже не мешали ей – она бежала и бежала, огибая их, перепрыгивая поваленные стволы, перелетая через ямы и канавы. И выскочила – к водопаду. Совсем невысокому, в два-три роста Марики, но дальше ручей бежал между острых камней, перекатываясь цепочкой порогов. А на самом краю водопада, вцепившись руками в скалу, висел Кит.

– Ты что там делаешь? – изумилась запыхавшаяся Марика.

– Марика! – по голосу Кита сложно было сказать, обрадовался ли он ей.

«Нет, конечно, – тут же обиделась Марика. – Обрадуется он мне. Как же. Но чего тогда звал?»

– Вылезай оттуда, – буркнула она. – Можешь сорваться.

– Я... – прохрипел Кит, – не могу...

– Все ты прекрасно можешь, – фыркнула Марика. Кит не ответил, и это было подозрительно. Он никогда не упускал возможности поспорить. Марика подождала еще немного, но Кит все так же висел и ничего не отвечал.

И тут ее наконец осенило.

– Ты что, упал?

Кит неопределенно мотнул головой. Марика тут же бросилась к нему. Легла на живот, схватила за одну руку, протянула другую. Кит перехватил ее, в локте что-то хрустнуло, запястье пронзило болью, но Марика дала обхватить и вторую руку и потащила изо всех сил. Ей казалось, что прошла вечность, прежде чем Кит выбрался по грудь, и еще вечность, прежде чем он встал на краю на четвереньки, отполз подальше и рухнул на бок, прерывисто дыша.

– Ты тяжелый, – пропыхтела Марика, глядя в небо. – Слишком много ешь.

– Это мы сейчас исправим, – выдохнул Кит с трудом. – Моя котомка тоже упала.

Марика подползла к краю и посмотрела вниз – но там не было ничего, кроме брызг и камней.

* * *

С водой проблем не было – обратно они стали спускаться прямо вдоль ручья, чтобы точно не заблудиться, – а вот из еды остались только сухари. Кроме того, трут тоже был в котомке Кита, а значит, ночевать им предстояло без костра.

Они съели по сухарю – это не утолило голод, но слегка притупило его. Без большого ножа нарезать хороших веток не получилось, дети собрали одну лежанку на двоих под деревом и сели рядом, спиной к стволу.

– Спим по очереди, – сухо сказал Кит, и впервые в жизни Марика не обиделась на то, что он командовал. Он был старшим. А им нужно было добраться до дома.

Кит лег слева от Марики, прижавшись к ее ноге. Не было пламени, на которое можно было бы смотреть, которое защищало бы теплом и светом, но Марика все равно пыталась победить ночь, отчаянно вглядываясь в сгущающуюся тьму.

Внезапно за спиной раздался шорох, и *большая серая тень прошла совсем близко от нее*. Марика вскрикнула, толкнула рукой Кита, тот подскочил и увидел, как с его стороны *ель обходит Лис*. Дети замерли, прижавшись друг к другу, пытаясь различить силуэты двух хищников рядом с собой. *Волк подошел совсем близко* – Марика почувствовала, как часто-часто задышал рядом Кит, а когда *Лис сделал несколько легких шагов вперед*, у нее дрогнуло сердце.

А затем оба зверя легли, Волк справа от Марики, а Лис – слева от Кита. И как только теплый мех коснулся ее, Марика почувствовала абсолютное спокойствие. Лес был нестрашным. Это был не ее Лес – но она больше не боялась его.

Рядом вздохнул и улегся Кит. Марика немного посидела, а затем положила голову на спину Волка – и уснула.

Ей снился Лес, она была Волком – и рядом с ней бежал Лис.

* * *

Когда дети вернулись, Кейза была в гостях у Доры и Лагит. Беспокойство не покидало ее после разговора с племянницей, и в тот день, когда Марика и Кит должны были оказаться дома, Кейза собралась и отправилась к Доре. Она уже предчувствовала, что дети не вернуться в означенный срок, что их нужно будет искать – а это колдовство совсем не из легких – но на закате дверь хижины распахнулась и вошли *они*.

Глаза девочки были голубыми, как морозное зимнее небо. Глаза мальчика были черными, как безлунная осенняя ночь.

И они были Волком и Лисом.

VII. Деревня

Марика понятия не имела, что Кит нашел в той девчонке. Ну волосы у нее отросли до попы, болтались по спине толстой пшеничной косой. Ну глаза были огромные, серо-зеленые, и ресницы взмывали, как крылья ворона, когда та поднимала взгляд. Ну смеялась та, будто шуршал ручеек. Ну и что?!

Девчонку звали Ана, и впервые Кит ее увидел, когда та привела к Доре своего младшего брата с нагноившимся порезом на пальце. Дора порез осмотрела, вскрыла, выдавила гной, наложила мазь, перебинтовала – а Кит все это время тарачил глаза на Ану. Даже книгу отложил – Марика редко видела, чтобы Кит сам откладывал книгу. После уговоров Лагит, громкого окрика Доры – да. Но не сам.

А два дня спустя Кит сказал, что хочет сходить в деревню. Он и раньше туда ходил – бегал к Туру Кийри, когда еще увлекался рыбалкой. Видимо, Кит не был «ведьминым ублюдком», а может, нашел способ договориться с мальчишками – во всяком случае, он к деревне отращения не испытывал. А теперь, после встречи с Аной, и вовсе стал убегать туда каждый день.

Марика делала вид, что не замечает, хоть это и было непросто. В деревню совсем не хотелось – там ее по-прежнему ждали лишь мертвые деревья и чужие люди. Но постоянное отсутствие Кита раздражало еще больше. Она привыкла, что они все делали вместе, обсуждали, спорили, ссорились...

Да и что он нашел в этой Ане?!

Кит возвращался возбужденный, покрасневший. Возвращался все позже и позже – пока наконец Дора не напомнила сердито, что, пока его нет, всю его работу приходится делать кому-то еще – на этих словах Марика недобро посмотрела на Кита. Он, кажется, даже слегка раскаялся и весь следующий день провел дома. Но Кит был сам не свой, не разговаривал с Марикой и делал все бестолково и неумело, будто все позабыл. И утром, когда они набирали воду в роднике, Марика спросила:

– Ты хочешь уйти сегодня?

Кит вскинул темные глаза. Они лихорадочно блестели.

– Да.

Марика кивнула. А потом, подумав, добавила:

– Только я пойду с тобой.

* * *

Деревня пахла плохо – мертвыми деревьями, нечистотой, злобой. Марика не была здесь очень давно – но за это время ничего не изменилось. Разве что она выросла. Стала больше замечать. И больше слышать.

– Смотри-ка, идет. Выродок.

– Т-щ-щ, Корин! Услышат – потом ведьма заколдует.

– Не болтайте глупостей оба! Ведьма лечит!

– Одной рукой лечит, другой – порчу наводит!

– Кто тебе сказал, дурак?

– Сам дурак!

Марика шла следом за Китом, еле поспевая – тот шагал широко, уверенно, размашисто – и посматривала на стайку мальчишек, устроившихся вокруг колодца посередине улицы. Те следили за ними с Китом, и Марика почти чувствовала на себе эти взгляды: недобрые, внимательные, цепкие.

«Неужели Кит этого не замечает? Или они так смотрят только на меня?»

Кит тем временем свернул за угол, прошел мимо первого дома – и застыл перед следующим, как вкопанный. Марика остановилась рядом и с любопытством взглянула на дом: судя по взгляду Кита, там должно было быть что-то страшно интересное.

Но ничего интересного там не было, дом как дом. Серый от дождей, с покосившейся крышей и резными наличниками – такие стояли по всей деревне. Разве что наличники были чуть наряднее, да крыша поровнее. Но это явно не стоило того, чтобы так пялиться. А Кит пялился.

– Эй, – Марика слегка толкнула его в бок, и Кит подпрыгнул от неожиданности. Покоился и пробормотал:

– Не надо было брать тебя с собой.

Марика согласилась бы с ним несколько мгновений назад – когда взгляды мальчишек жгли спину. Но сейчас, на спокойной тихой улице, она насупилась:

– Почему это?

– Потому, – отрезал Кит и снова уставился на дом.

– Да что ты там высматриваешь? – не выдержала Марика.

Он только тряхнул челкой в ответ. Солнце стояло в зените и припекало – но Кита это, кажется, не смущало. Марика подняла с земли палку и начала рисовать в пыли разные закорючки, придумывая на ходу, что бы они могли значить. Кит не отрывал взгляда от резных наличников.

– Эй, отбросы! – донеслось от угла соседнего дома.

Марика вскинула глаза, Кит обернулся. В конце улицы стояли пятеро мальчишек. Самый мелкий из них был на голову ниже Марики – но зато самый рослый, тот, что их позвал, легко мог завалить молодого бычка, судя по широким плечам и узловатым предплечьям. А ни Кит, ни Марика до бычка не дотягивали. Даже до очень молодого.

Но они были Волком и Лисом. Голубые и темные глаза сощурились одновременно, и слегка сжались кулаки – хотя едва ли они вдвоем могли справиться даже с главарем шайки, не говоря уж о всех пятерых.

– Привет! – раздалось в этот момент от дома – и краем глаза Марика увидела у двери светлое платье, пшеничную косу...

«Вот почему туда смотрел Кит, – догадалась она. – Ждал ее».

Но дальше додумать она не успела – мальчишки шли к ним, медленно, вразвалочку. Потом, много лет спустя, Марика научилась безошибочно распознавать такую походку – сильного, имеющего право. Или считающего, что это право имеет. Но тогда, на узкой деревенской улочке, рядом с настороженным и испуганным Китом, ей было не до рассуждений о силе и праве. Она лишь чувствовала враждебность, исходившую от тех пятерых – и подступающее к горлу бессилие.

И Кит тоже их чувствовал. И враждебность, и бессилие.

Но он был Лисом. Он мог бы убежать, запутать след – он не стал бы ввязываться в драку, которую ему было не выиграть. Он даже мог бы попробовать с ними договориться – как делал это раньше, когда никто не видел. Вне дома, с обычными людьми, Кит вдруг чувствовал необыкновенную силу – чувствовал, что может сделать с этими людьми многое. Он мог уговорить Тура давать свою лодку, он мог уговорить Ану выходить к нему каждый день, он мог уговорить мальчишек не трогать его. Но сейчас рядом был *Волк* – маленький и бесстрашный – и магия не работала. Бесстрашие *Волка* было сильнее хитрости *Лиса*.

А еще с крыльца смотрела Ана. И очень хотелось произвести на нее впечатление. И почему-то казалось, что хитрые слова уже не помогут. Нужны были другие – смелые. Бесстрашные.

Как Волк рядом.

Поэтому Кит выпрямился, подбоченился и небрежно бросил:

– Ты кого сейчас звал?

– Тебя с ублюдком, кого еще, – усмехнулся главный.

– А-а-а, – протянул Кит. – А я думал, это ты своих друзей так зовешь. Очень им подходит.

Мальчишки злобно скривились. Самый мелкий вдруг наклонился, резко выпрямился, замахнулся – и Марики ойкнула. Кит покосился на нее – из рассеченной брови стекала струйка крови. Ана у дома вскрикнула.

Кит медленно перевел взгляд на шайку – вовремя, потому что в этот момент остальные тоже бросили – камни, палки, все, что попало под руку. Кит прикрыл голову, и стало стыдно: прикрывает голову, а не Марику рядом. Заставил себя выпрямиться, дернулся к ней, и тут же получил камнем в плечо. Прогло болью, обидой, на глаза навернулись слезы – Кит наклонился, поднял камень с земли и кинул, не особо целясь, но сгорая от желания попасть.

А камень подлетел к мальчишкам на том конце улицы – и взорвался.

* * *

Больше всего досталось Марике – хотя она точно была ни при чем. Но Кит упал в обморок в тот же момент, как мальчишек раскидало неведомой силой, будто невидимая волна сбила их с ног и отбросила в сторону. Их в деревне лечила Дора – но все пятеро тоже были без сознания. Лечению переломов это скорее помогало, чем мешало, однако рассказать, как было дело, деревенские мальчишки не могли. У Кита же, который очнулся дома, началась лихорадка, точно такая же, как после встречи с *Волком* – Лагит, ухаживающая за ним, делала свою работу молча и никаких вопросов не задавала. Да и вряд ли Кит, которого снова бил жестокий озноб, смог бы ответить.

Поэтому неудивительно, что Кейза принялась за Марику. Лечить рассеченную бровь никто не стал – впрочем, по сравнению с Китом и остальными Марика и впрямь легко отделилась. Но к концу разговора с бабушкой ей казалось, что лучше уж было бы валяться без сознания.

Кейза допрашивала девочку с пристрастием, но отказывалась верить, что все произошло так, как та рассказывала. Закончилось все тем, что Марика в слезах выбежала из хижины. Лагит, только вышедшая из комнатушки, в которой лежал Кит, посмотрела на сестру с легкой укоризной – но та не заметила. Или, во всяком случае, сделала вид.

На следующее утро пришла усталая Дора. Поцеловала хмурую Марику в рану на брови, села за стол и сказала:

– Ана все рассказала мне.

Марика, до сих пор винившая деревенскую девчонку во всем произошедшем, нахмурилась еще сильнее.

– Я знаю, что ты ни при чем, – продолжала Дора. – Да и Кит, по большому счету, тоже.

– И кто же переломал детям кости? – удивилась Кейза.

Дора улыбнулась уголками губ – устало и напряженно.

– Когда Кит поправится – мы отведем его в Круг.

Кейза и Лагит переглянулись.

– *Тиласи*, – протянула Кейза тихо, и Марика вздрогнула. Выходит, у Кита тоже было *хедийе*. Самое настоящее, как у ведьм и магов из-за холмов.

«И теперь его поведут в Круг», – подумала Марика, прислушиваясь к сухому дыханию Кита.

Далеко в Лесу Волк смотрел на следы, которые тонкой цепочкой уходили в темноту. Он ткнулся носом в самую землю, а потом вдруг запрокинул морду и завыл.

Но никто не ответил Волку. Законы Леса запрещали говорить с ним.

* * *

Первым «нет», которое Марика слышала от взрослых, был Круг. До того ни мама, ни бабушка Лагит, ни даже бабушка Кейза ничего не запрещали ей. Просто не стоило подходить близко к огню – обожжешься. Не стоило ночью ходить по Лесу – встретится дикий зверь. Не стоило выходить на мороз без шапки – простудишься. Это были простые, понятные правила, которым всегда давалось объяснение. И только про Круг никто ничего не объяснял. В первый раз, когда Марика должна была пойти одна к бабушке Кейзе, мама посмотрела на нее очень строго и сказала:

– Если вдруг ты заблудишься – не бойся. Я тебя всегда найду. Но запомни одно: если увидишь поляну, где все ветви елей пожелтели – беги оттуда как можно скорее. И ни в коем случае не выходи на нее.

– А что это за поляна?

– Круг.

– Она круглая?

– Нет. Ее так называют – Круг.

– А что будет, если я туда выйду? – спросила Марика, разумно полагая, что и у этого правила есть свое объяснение. Но мама лишь долго смотрела на нее, а затем покачала головой:

– Не сейчас, малыш.

Тогда Марике пришлось смириться с таким ответом. Но, в конце концов, она все равно не знала, где именно находится Круг, а заблуждаться, чтобы найти его, у нее не было никакого желания.

Но теперь все шли к Кругу – а ее с собой не брали. Сами вели туда Кита – а ее не брали. Марике, оставшейся в хижине одной, не хватало слов, чтобы описать, насколько обидно и несправедливо это было. За неимением слов она швырнула об стену горшок со свежесваренным зельем. Это немного помогло: перспектива объяснения с матерью на время вытеснила другие мрачные мысли.

Однако мрачные мысли, к сожалению, имеют свойство накладываться, приумножая значимость друг друга, и в конце концов Марика оказалась на крыльце, обиженная на весь мир за все несправедливости, включая разбитый горшок. Ведь не сама же она захотела его кинуть, верно? Ее довели до этого! Значит, кто виноват? Уж точно не она!

«Кит, – подумала Марика. – Вот кто во всем виноват».

Разумеется. Кто таскался в деревню к той глупой девчонке? Кто потащил с собой Марику? Кто задирал деревенских мальчишек? Да и вообще, если подумать, во всем всегда был виноват Кит. С самого его появления он был здесь совершенно лишним. Никому он тут был не нужен.

– *Вот и славно.*

Марика вскинула голову – и на опушке Леса увидела Лиса. *Он был большим, куда крупнее обычной лисицы, и его темные глаза смотрели умно и хитро.*

– *Я все равно заберу его себе, Моар,* – морда Лиса не шевелилась, но Марика был совершенно уверена, что именно его голос она слышит – вкрадчивый, мягкий, убаюкивающий. *Он вышел на опушку и направился к ней, мягко ступая изящными лапами.* Ей стало очень холодно. Закружилась голова.

«Вот, наверное, что случилось тогда с Китом при виде Волка», – подумала Марика – и сразу вспомнила и ту болезнь, и то, как она прошла, а потом и все остальное: игры, разговоры, книги, рыбалку... И как Кит посмотрел на нее, когда камень рассек ей бровь.

В тот же миг с другой стороны опушки, из Леса, раздался низкий рык. Лис остановился, глянул туда и как будто слегка усмехнулся. Вильнул хвостом и отпрыгнул в сторону, словно собираясь убежать – но в последнее мгновение замер и посмотрел на Марику.

– Если ты думаешь, что тот, – Лис кивнул в сторону Леса, – лучше меня – ты просто плохо его знаешь. И я очень советую не узнавать.

Рычание повторилось, громче, ближе, и Марика почувствовала, как вместе с этим рыком тело наполняется силой и уверенностью.

– Убирайся, – бросила она. Лис фыркнул – и тут же исчез в Лесу рыжим росчерком. Марика обернулась туда, где раздавалось рычание, и увидела среди ветвей блеск голубых глаз в обрамлении мягкого серебристого меха... А потом со стороны тропинки раздался крик:

– Марика! Марика-а-а!

Кит выбежал к дому, запыхавшийся и страшно взволнованный.

– Марика, я буду магом! Представляешь?

Она посмотрела на него – голубые глаза мягко блеснули.

– Кто тебе это сказал?

– Лис.

* * *

Все, что случилось после, Марика плохо запомнила. Ее детство было яркой вспышкой, калейдоскопом впечатлений, образами – памятью. Но с того момента, как Кит открыл в себе магические способности, целые дни, а то и недели исчезали, перепутывались между собой, так что в конце концов Марика не могла сказать, что из этого происходило наверняка.

Кит, разумеется, страшно гордился собой. Пересказывал все подробности похода к Кругу, пока Марика не выучила эту историю наизусть. В одном смысле это было хорошо – теперь она хотя бы со слов Кита знала, что такое Круг. Но даже такое бесценное знание не спасало от раздражения. А оно неизбежно приводило к злости.

Кит был виноват. Во всем – но особенно в том, что собирался стать магом.

Для этого его и отводили к Кругу – как объяснили Киту старшие, это было место, особым образом проводящее магическую силу. Там маг мог орудовать ей, не рискуя сойти с ума и попасть в *аркависс* – потусторонний мир. Именно из него в этот мир приходила магия, и *хедийе* служили особой печатью, отмечающей тех, кто может подойти к *аркависсу* чуть ближе других.

– Печатью? – перебила Кита Марика. – Но хедийе нельзя дать человеку. Его видишь в имени.

– Может быть, – пожал плечами Кит. Его, в отличие от Марики, никто не учил видеть хедийе – да его вообще ничему не учили! Это она могла сварить простое зелье, успокоить или приманить зверя, заговорить несерьезную рану... Кит ничего этого не умел.

Но должен был стать магом.

Марика помнила его рассказы – рассказы, правдивость которых Дора и Лагит не отрицали. О могущественных мужчинах, живущих в большом мире за холмами, по сравнению с которыми ведьмы ничего толком и не умели. О школе в Кастинии, в которой обучались мальчики с магическим даром. О чудесных амулетах, дающих им власть над своей силой.

*– Представляешь, – рассказывал теперь-уже-будущий-маг Кит, – школа в Кастинии тоже вся стоит на Круге. И пока ты учишься там, *пъентаж* можно не носить – Круг делает за тебя всю работу. Поэтому школу и построили там. И когда я туда приеду...*

В этот момент Марика обычно переставала слушать. Ей было совершенно не интересно, что собирался сделать Кит по приезду в свою дурацкую школу.

А дальше – дальше все путалось в памяти. Одна ссора с Китом, вторая, третья. Мама пишет и отправляет письмо. Возвращается с ответом. Лагит шьет одежду. Кейза дает наставления. Мама копит деньги на дорогу.

– Сколько сорочек ему нужно? – спрашивает Лагит.

– Сколько сможет унести – путь неблизкий, – отвечает Дора.

– А как, как туда добраться? – возбужденно спрашивает Кит. Дора рисует углем на столе, рассказывает. Марика смотрит и слушает.

– Пообещай мне одно, – говорит Кейза, пристально глядя на мальчика. – Ты обязательно пойдешь изучать врачевание.

Кит удивленно вскидывает брови:

– Зачем?

– Это единственное, что действительно ценно в магии, – голос бабушки режет, как острый нож. Кит поджимает губы, но молчит. Чувствует на себе выжидающие взгляды и наконец кивает.

– Хорошо.

Кейза сухо улыбается.

Лето кончается, и Дора с Китом отправляются в путь. Кейза и Лагит, неподвижные, как скалы, стоят наверху холма и смотрят вдаль, на спускающуюся дорогу, по которой удаляются две высокие фигуры. Кит еще вырос за это лето – он догнал Дору.

Марика стоит рядом с бабушками, но смотрит не на дорогу. Ее взгляд прикован к опушке Леса, туда, где в тени пожелтевшей листвы *виднеется что-то рыжее. На мгновение оно будто подходит ближе – а потом взрывается огненным всполохом и исчезает.*

Далеко в Лесу раздастся одинокий вой. Но Лес по-прежнему молчит.

VIII. Круг

Почему-то Марика считала, что Кит обязательно приедет их навестить. Однако Лес укрылся снежным покрывалом, сбросил его с себя, расцвел, рассыпался пятнами ягод, укутался густой травой и, наконец, пожелтел, застыв в ожидании смерти, – а от Кита было лишь одно короткое письмо с «приветом Марике».

Иногда ей хотелось сжечь это письмо, иногда – спрятать под подушку, но чаще всего Марика просто делала вид, что никакого письма не было. И никакого Кита тоже никогда не было. Ни его, ни *Лиса*. Взгляд скользил по далеким склонам холмов, по дороге, по опушке Леса – но они были неизменно пустынные, как и всегда.

Осенью Ана вышла замуж за сына Тура Кийри. На свадьбу пригласили их всех – и бабушку Кейзу, и бабушку Лагит, и Дору, и Марику. При виде последней деревенские мальчишки, те самые, что кидались камнями в них с Китом, тут же замолкали, да и взрослые, кажется, поглядывали на нее с опаской. А ведь Марика тогда была совершенно ни при чем!

Но, хотя Кита никогда и не было, отдуваться за него все равно приходилось.

Платье Аны, белое-белое, было как снег – чистый снег, взметнувшийся из-под копыт оленя... Когда их семья подошла поздравить молодоженов, невеста, которая до того стояла, стыдливо потупившись, подняла глаза и встретила взглядом с Марикой. Ана вздрогнула и отпрянула назад, испуганная чем-то, а Марика вдруг почувствовала, что *может все*. Это длилось одно короткое мгновение, но она запомнила его. Потому что тогда же, за белым снегом платья, за толпой гостей, на опушке Леса *блеснуло серебро меха, вспыхнули голубые глаза* – и с ними пришли знание и уверенность, которых давным-давно не было.

Их не было с тех пор, как ушел Кит.

А Кит ушел из-за Аны, верно?

Марика улыбнулась белоснежной невесте – *Волк очерился из тени Леса* – и бабушка Кейза видела это. *Кизи, кориун*. Она видела все.

Кейза ни слова не сказала Марике тогда, на свадьбе. Гости разошлись, они вернулись к хижине – Кейза осталась у них на ночь. Теперь в их доме была целая лишняя кровать. Обычно на ней спала Лагит, но сегодня она уступила место старшей сестре.

Марику иногда удивляло, что бабушки – сестры. В сказках, которые она читала, часто говорилось про братьев и сестер – но то были дети или молодые люди. А бабушки... Они ведь были бабушками! Как бабушка может быть сестрой? Это странно. И каково это вообще – иметь сестру? Или брата? У Марики ведь их никогда не было. Был Кит. Которого теперь не стало.

Кейза нашла Марику вечером во дворе – та закрыла на ночь кур, но еще не вернулась в дом. Стояла, повернувшись к Лесу, а тот молчал, покачивая на ветру черными ветвями.

«Быть ненастью», – подумала Кейза привычно. Поковыляла к Марике, которая не заметила ее, а может, сделала вид, что не заметила. Бросила взгляд на Лес – там никого не было, но сейчас Кейза уже не верила своим глазам. Если *Волк* заметил *кориуна*, он мог спрятаться, затаиться, стать неуловимым призраком.

– Ты видишь его? – голос Кейзы рассек вечернюю тишину ясным прямым вопросом. Марика не вздрогнула от неожиданности, не испугалась – значит, все прекрасно слышала и замечала. Но не ответила.

Однако Кейза умела понимать и молчание – слишком долго главным ее собеседником был Лес. Она вернулась в хижину, подошла к Доре, варившей кашу, и сказала тихо:

– *Моар видит Волка*.

Дора замерла. Каша в котелке хлюпала, заполняя хижину вкусным домашним запахом.

– Ты знаешь, что нужно делать, *Доар*. Я помню, что ты считаешь по-другому – но это *Волк*. Мы уже отдали мальчика *Лису*. Однако Кита хотя бы могут научить, что с этим делать.

– Ты права, – жестко сказала Дора. Поднялась на ноги, протянула ложку молчаливой Лагит. Кейза тяжело вздохнула.

– Тебе нужна моя помощь? – спросила она тихо.

– Нет.

* * *

Мама запретила Марике говорить с *Волком*. Окружила дом волшебной песнью, обвесила заговоренными травами, на саму Марику надела круглый амулет из серебра.

– Зачем все это? – спрашивала та. *Волк* пугал ее – но ведь и помогал, верно? И *Волк* ненавидел *Лиса*. Как и она.

– Нельзя говорить со своим *хедийе*, – объясняла Дора. – Оно помогает тебе быть ближе к *аркависсу* – но оно же и утягивает тебя в него. Потому мы и отправили Кита в Кастинию – там его научат обращаться со своей силой, защититься от своего *хедийе*.

– А почему меня нельзя отправить туда? – спросила Марика, неожиданно для самой себя. До сих пор эта мысль не приходила ей в голову, но ведь и правда – почему нет? Почему бы ей, Марике, не стать магом? Кит говорил с *Лисом*, Кит станет магом – почему бы и ей не стать?

На мгновение головокружительная картина промелькнула перед глазами – Марика в Кастинии, учителя восхищаются ее талантом, ученики завидуют ей, и Кит, Кит тоже завидует ей...

– Марика, – мягко скала Дора, и картина исчезла, оставляя после себя лишь бедную хижину ведьмы. – Но ведь туда берут только мальчиков.

– Почему? – удивилась Марика.

Дора ответила не сразу. И Марика поняла: не потому, что не хотела отвечать. Потому что не знала.

– Такие там правила, – наконец сказала Дора. Ничего лучше придумать она не смогла.

* * *

О том, что мужчины и женщины разные, Марика узнала далеко не сразу. Мир ее детства был миром женщин – а все остальные допускались в него лишь отчасти, и женщины вне его отличались от мамы и бабушек так же сильно, как и мужчины. Конечно, Марика знала о различиях петуха и курицы – но ведь это животные. У них все по-другому.

Понимание различия пришло с Китом, когда неприученная к скрытности и стыду Марика застала его без одежды. Ее изумлению – и его смущению – не было предела, и после этого Доре пришлось немало объяснить своей дочери. Тогда Марика и узнала об основных различиях мужчин и женщин, тогда же узнала, что никогда не сможет стать мужчиной, а Кит – женщиной. Открытие это было неприятным, тяжелым, тем более потому, что мама строго-настрого запретила подглядывать за Китом или смущать его. Это было вторым запретом после Круга, внятного объяснения которому Марика так и не нашла. То, что тело Кита несколько отличалось, несколько не смущало ее. У нее самой имелось несколько весьма любопытных родинок, появившихся внезапно и необъяснимо – и что же, Марике теперь с ними носиться и прятать ото всех? Тело – это просто тело. Его надо одевать, чтобы не мерзло и не поранилось. Но не более того.

Однако Кит, дитя городской морали, думал иначе, и запрет матери закреплял за ним право так считать. С тех пор Марика стала больше обращать внимание на половые различия, и все же относилась к этому, как к цвету волос. У Кита они были золотыми, у нее – черными, ну и что? Это ничего не значило, ни на что не влияло. Просто они были разными.

Но в Кастинию брали только мальчиков. Они могли стать магами – только потому, что их тело было другим.

И этого Марика ни понять, ни принять уже не могла.

* * *

Лес принадлежал ей – как и много осеней назад, как и всегда. Но раньше он был радостью, открытием, волшебством. Сейчас же стал смертью, страхом и опасностью. Марика видела, как звери убивают друг друга, как губят растения и сами гибнут потом от голода. Видела ядовитые ягоды и смертельно опасные травы. И когда солнце озаряло Лес теплом и светом, Марика знала, что это обман. В Лесу правила ночь, время хищников и убийц.

Время Волка и Лиса.

Но *Лис* давно ушел – он исчез вместе с Китом, и Марика, убедившая себя, что Кита никогда не было, не могла забыть вкрадчивые, мягкие слова: «*Я все равно заберу его*». А теперь не стало и *Волка*, он снова бродил где-то там, далеко в Лесу, и Марика осталась одна.

Лес принадлежал ей. Но в нем не осталось ничего, что могло бы удивить ее или обрадовать. В нем не осталось ничего нового и неизведанного, ничего интересного.

Кроме Круга.

* * *

Марика никогда сознательно не нарушала запретов. Это было уделом Кита – перечить назло и потом с любопытством наблюдать, как взрослые злятся, ругаются и даже сами придумывают ему оправдание. Кит умел врать, выворачивать истину в свою пользу, умел уговаривать и увещевать. Марика была бесконечно далека от всего этого. Она никогда не обманывала – просто шла к своей цели, не заботясь о том, что думают об этом другие. Путь Кита был кружным, сложным, неуловимым. Путь Марики был прямым, как стрела. Кит обходил запреты. Марика не замечала их.

Она не заметила, как вышла к Кругу.

Стояла поздняя осень. Лес, состоящий в основном из елей, не менял своего облика, и только там, где гуще росли дубы, березы и буки, он обнажился, почернел скелетом голых ветвей. Марика брела по тропинке – скорее всего, звериной – не особо задумываясь о том, куда идет. Этого она перестала бояться давно – прошли времена, когда Марика могла бы заблудиться в Лесу. И хотя теперь *Волк* не выходил из Леса, чтобы проводить до дома, она безошибочно знала, куда нужно идти – так же, как знала теперь, какая будет завтра погода, что положить в зелье, чтобы оно работало лучше, какие слова прошептать, чтобы заговорить рану. Да, Кейза и мама рассказывали ей все это – но теперь Марика *знала* сама. И хотя амулет, что повесила ей на шею Дора, мешал, спутывал мысли – она все равно *знала*.

Нет, Марика не боялась заблудиться. Она вообще перестала бояться.

И все же – испугалась. Потому что поляна, на которую она вышла, была неправильной. И дело было не только в пожелтевшей хвое на длинных, протянутых к центру еловых лапах, не в спутанной, будто волосы на ветру, траве – нет, сам воздух здесь был другим. Марика судорожно вздохнула, один раз, другой, все пытаясь вдохнуть как следует – пока не поняла, что амулет душит ее. Он не мог душить – шнурок был слишком длинным – и все же Марика сдернула амулет с шеи и отбросила как можно дальше.

Дышать сразу стало проще, она с облегчением сделала еще пару шагов вперед – и только тут поняла наконец, где находится.

«Если увидишь поляну, где все ветви елей пожелтели – беги оттуда как можно скорее. И ни в коем случае не выходи на нее».

Марика запнулась, отступила назад. Несомненно, это был Круг – значит, ей нужно было бежать отсюда как можно скорее. Но почему? Ей было хорошо здесь. Теперь, когда амулет не мешал, Марика снова смогла видеть, понимать, чувствовать, и одно это было невероятным облегчением. Она рассмеялась и смело пошла к центру поляны, радостно оглядываясь вокруг. Впервые с ухода Кита – нет, впервые с того момента, как Кит стал сбегать в деревню – Марика вновь почувствовала себя счастливой. Свободной. Сильной.

Он вышел из Леса – серебристый мех мягко переливался в свете осенних сумерек.

– Моар, – Волк склонил большую голову.

Марика медленно поклонилась в ответ, с трудом сдерживая желание бросится к Волку и обнять его, зарыться лицом в теплый мех. Он был другом, спасением, надеждой. Как мама могла запретить разговаривать с ним?

И как Лис мог сказать, что Волк не лучше него? Конечно, Волк был лучше. Он был надежным, верным. Он никогда не предаст ее.

Глаза Волка лучились чистой лазурью.

– Ты наконец пришла. – Его голос был звучным, низким, сильным, как северный ветер.

Марика снова кивнула, все еще не веря своему счастью. Она нашла Круг, она нашла Волка. А может, он нашел ее, он вывел ее сюда?

– Значит, ты готова, – продолжил Волк.

– К чему? – вырвалось у Марики, и ей стало жаль, что ее голос совсем не похож на голос Волка – он был слабым, тусклым, невзрачным.

– Показать, что ты умеешь.

Марика задумалась. Волк наверняка имел в виду магию, и в любой другой момент она могла бы составить длинный список того, что умела – зелья, заговоры, привороты... Но это было не то. Круг явно не предназначался для колдовства простой ведьмы – иначе Дора не говорила бы о нем с таким уважением, как о чем-то, что было ей неподвластно.

Волк выжидающе смотрел на Марику, и его глаза блестели в сгущающейся темноте.

– Тебе нужно просто захотеть, – сказал он мягко – но не так, как Лис, без лживой вкрадчивости. Волк был великодушен и благороден. Он хотел помочь.

Пожелтевшие ветви едва заметно покачивались на ветру, трава оплетала ноги. Из Леса на поляну постепенно выползала тьма, растворяясь в воздухе сизой мглой. Марика посмотрела вокруг, подняла руки ладонями вверх, посмотрела на них – те едва заметно выделялись в темноте белизной кожи.

– Я хочу, – медленно начала она, чувствуя, как в голосе появляется сила, похожая на Волка, – я хочу – чтобы здесь стало светло!

Внезапно руки прожгло теплом, пробежали мурашки, как если бы они затекли – и вдруг ладони вспыхнули светом. Марика невольно отшатнулась, но руки продолжали гореть и светиться. Она невольно посмотрела на Волка – и в отблесках сияния ей показалось, что он улыбается. Марика рассмеялась, подняла руки, и вся поляна наполнилась светом, он заиграл на пожелтевших елях, отбросил тысячи бликов на пожухшие стебли, разогнал сумерки, отогнал тьму к самым деревьям. Марика завертелась на месте, все еще смеясь, и свет завертелся вместе с ней, отражаясь в голубых глазах Волка, в сотне глаз, внезапно окруживших Круг. Раздался вой, он отозвался в глубине Леса, и новые серые тени устремились к поляне, вышли из темноты. А в центре кружилась Марика, и смеялся Волк, смотревший на нее, и больше не было осени, ночи, холода – был только свет, он рождался у нее внутри и изливался наружу, останавливая саму смерть...

– Марика!

Тепло в ладонях исчезло, сменившись внезапным холодом, свет погас – и Волк растворился в тенях деревьев, как и сотни глаз, пришедших на его зов. Марика обернулась. На опушке стояла Дора.

- Ты видела? Видела, что у меня получилось?!
- Видела, – глухо сказала Дора, и с этим словом улетучились последние следы радости, заполнявшей до того поляну.
- Я говорила тебе, чтобы ты бежала отсюда, – продолжила Дора так же тихо.
- Прости, мама, – Марика опустила голову. – Я больше не приду сюда.
- Дора усмехнулась – совсем не весело.
- Теперь, *Моар*, уже поздно.

* * *

Они сидели за маленьким обшарпанным столом и смотрели на нее – мама, бабушка Кейза и бабушка Лагит. Марика чувствовала взгляд каждой так, будто на нее взвалили непосильную ношу, и не одну, а три за раз. И обе бабушки были, как скалы. А мама...

Мама была чужой.

Марика ощутила это, еще когда они шли по темному Лесу. Дора молчала, лишь изредка тихо напевая песню – ту, что отгоняла *Волка*, – а Марика плелась за ней, чувствуя, что теперь навсегда между ней и мамой будет свет, отражавшийся в глазах волков. Они ссорились и раньше, мама сердилась, мама наказывала ее, мама подолгу молчала. Но то, что случилось сейчас, было непоправимо. И от того становилось невыносимо тоскливо, и даже *Волк* не мог прийти – потому что Дора отгоняла его.

Она отослала прочь Кита. Прогнала *Волка*. А теперь оставила сама – только потому, что совсем недолго Марика была счастливой и свободной.

Лес шумел осенним ветром, чистым и пустым.

На следующий день Дора привела Кейзу. И вот теперь они втроем сидели и смотрели на Марику, как будто она совершила ужасное преступление.

Но, в конце концов, она же даже не знала, где находится Круг! Могли бы сами рассказать ей, чтобы она на него не наткнулась. Раз это было так уж важно.

– *Моар*, – жестко сказала бабушка Кейза. – Ты понимаешь, что произошло?

Во рту внезапно пересохло, и Марика, разом растерявшая всю свою злость, прошептала еле слышно:

– Я вошла в Круг.

– А потом?

– Я захотела, чтобы стало светло.

Бабушка Кейза и мама переглянулись.

– Посмотри на свои руки, – велела Кейза. Марика послушно уставилась на ладони – и только тут заметила, что они будто слегка посерели. Марика потерла их о подол туники – но грязь не оттиралась.

– Это не отмоется, – спокойно сказала Дора, покачав головой. Подняла ладонь – и Марика впервые увидела, что и у мамы она покрыта едва заметной серой тенью.

– Что это? – испуганно спросила она.

– Плата за магию. Всегда, когда совершается заклинание, на ладонях остается след. Первый сильнее следующих – но каждый раз магия добавляет новую тень.

– А почему тогда у бабушки руки чистые? – удивилась Марика.

– Моя магия – другая, – сухо усмехнулась Кейза. – Я не вмешиваюсь в естественный ход вещей, только помогаю ему. А вот маги, которые призывают свет во тьме, воду в пустыне, излечивают безнадежно больных и создают то, чего никогда не было – они меняют мир. И платят за это.

– У взрослых магов ладони темные, почти черные, – продолжила Дора – и смутное воспоминание промелькнуло в голове. Будто Марика уже видела это – человека с черными руками.

– *Моар*, – резкий голос бабушки Кейзы вырвал Марику из раздумий, – то, что ты сделала вчера, нельзя исправить. Один раз прикоснувшись к силе *аркависса*, ты стала навсегда связанной с ней. Эту силу нужно уметь контролировать. И никто из нас не сможет тебя этому научить.

– И что же теперь делать? – растерянно спросила Марика.

– Не знаю, – жестко бросила Кейза, пожав плечами – будто ее теперь и не волновало, что будет с внучкой.

И тогда Марика разозлилась окончательно. Ее ругали за то, что случилось совершенно случайно – так им было еще и все равно, что с ней теперь будет!

– Вы могли мне об этом рассказать! – крикнула Марика, вскакивая из-за стола. – Объяснить, почему мне нельзя заходить в Круг! Если это так опасно, что теперь ничего нельзя исправить!

– Кто сказал, что ничего нельзя исправить? – вдруг тихо спросила Лагит, которая до того хранила полное молчание.

Кейза и Дора обернулись к ней, а Марика тут же замолчала и заставила себя перевести дыхание. Бабушка Лагит никогда не вмешивалась, когда говорили ее сестра и дочь. Так и не став настоящей ведьмой, она как будто вместе с этим отказалась от права голоса, доверившись мнению других.

Но, кажется, не навсегда.

– Ей ведь могут помочь в Кастинии, – продолжила Лагит осторожно, и у Марики замерло сердце.

Кастиния. Школа магов. Школа, куда ушел Кит.

Если ее отправят в Кастинию, она снова увидит Кита и станет магом. Как он. Они вместе станут магами, вместе смогут...

– В Кастинию не берут девочек, – сухо возразила Кейза.

– Да? – бабушка Лагит приподняла брови и посмотрела на Дору. Та молчала, но уголки ее губ дрогнули.

– В Кастинию не берут девочек, – повысила голос Кейза, – потому что ни одна нормальная мать не пошлет туда свою дочь!

– Что ты знаешь о материнстве, Кейза? – тихо спросила Лагит, повернувшись к сестре. Та шумно вздохнула, а затем резко поднялась, упершись жилистыми руками в стол.

– Делайте, что хотите, – бросила она холодно. – Отдавайте детей Лесу, хоть напрямую на тот свет отправляйте. Но тогда не вмешивайте в это меня.

Она схватила клюку и проковыляла мимо Марики к двери.

– Она – *Волк*, – спокойно заметила Дора, когда Кейза уже собиралась выходить. – Она не живет по законам Леса.

– Тем хуже, – так же спокойно ответила Кейза – и захлопнула за собой дверь.

* * *

Марика долго не могла заснуть. Радостные мечты тут же сменялись тысячей вопросов, на которые она не знала ответов.

Вот она приходит в Кастинию – какая она, эта школа магов? Кит много рассказывал про нее, но тогда одно упоминание школы отбивало всякое желание слушать дальше. Марика пыталась припомнить что-нибудь из тех рассказов, но ничего не получалось, и тогда мечты рассыпались дождем неразрешимых сомнений. Она пыталась представить себе что-то другое – мир за холмами, путешествие. Пойдет ли с ней мама, как с Китом?

И тогда вдруг пришло осознание, холодное и ясное – если она уйдет в Кастинию, мамы с ней больше не будет. Они все останутся тут – мама, бабушка Лагит, бабушка Кейза. Тур Кийри, его сын, Ана, деревня, озеро, горы.

Лес.

Марика замерла, парализованная этой внезапной мыслью. Нет, она не хочет отсюда уходить. Пусть Кит учится в своей Кастинии – она лучше останется дома.

Только как сказала бабушка Кейза? «То, что ты сделала вчера, нельзя исправить».

– Но я не хотела! – прошептала Марика в темноту и неожиданно для самой себя разрыдалась.

Скрипнул пол – Марика едва услышала тихий звук, приглушенный ее всхлипываниями, – и сразу почувствовала на постели вес другого тела, а мамина уверенная, сильная рука обняла ее. Марика прижалась к Доре, отчаянно ища спасения в мамином тепле, в запахе зелий и козьего молока, и ей показалось, что вся боль растворяется в этом запахе, исчезает в тихом убаюкивающем шепоте.

Далеко в Лесу Волк лег на холодную влажную землю и положил на лапы тяжелую голову. Лес вокруг шумел осенним ветром, возмущаясь и злясь. Но Волк не слушал Лес.

Он смотрел вперед, сквозь пространство и время – и довольная волчья ухмылка приоткрывала хищный оскал.

IX. Город

Мама снова написала письмо и снова пошла его отправлять – но на этот раз взяла Марику с собой. Еще месяц назад та не могла бы поверить своему счастью: она первый раз сходит за холмы! Увидит мир! Побывает в городе! Но за одну ночь в Марике что-то изменилось, ушло окончательно и бесповоротно, оставив после себя странное спокойствие и настороженность одновременно. Много осеней спустя она решит, что именно тогда закончилось ее детство – и, наверное, будет права.

В ту ночь Марика в последний раз засыпала в объятиях мамы, как маленькая девочка, доверчивая и открытая ко всему. Утром она открыла опухшие сухие глаза, и солнечный свет, заполнявший хижину – последнее золотое солнце осени, предварявшее белое сияние зимы – принес понимание, что начинается что-то новое. Марика тут же вскочила и влилась в утреннюю рутину с точностью и уверенностью действий, до того ей почти не свойственными. Дора и Лагит ни слова не сказали про вчерашний разговор или прошедшую ночь, но обе заметили, как Марика изменилась. И, когда пару дней спустя Дора закончила письмо, она сказала уверенно:

– Завтра идем в город.

– Идем? – Марика, которая мела в это время пол, подняла голову.

– Да. Мы с тобой.

– Зачем? – нахмурилась Марика, отбросив темные пряди со лба. Выпрямилась, отвела метлу в сторону, уперла руку в бок.

«Выросла», – подумала Дора грустно, а вслух сказала, усмехнувшись:

– С миром лучше знакомиться постепенно.

– А ты с ним знакомилась... постепенно? – в голосе Марике промелькнул намек на былое любопытство, и улыбка Доры стала чуть мягче:

– Нет. Совсем наоборот.

Марика нерешительно посмотрела на метлу, будто ища у той поддержки, и спросила тихо:

– Ты мне расскажешь, что делала... там? За холмами?

Дора не в первый раз слышала этот вопрос – и привычное, необязательное и легкое «когда-нибудь» уже готово было сорваться с губ. Но она вовремя спохватилась, кивнула и добавила серьезно:

– Даже покажу немного.

* * *

Тремп, ближайший к горам город, на деле оказался немногим больше деревни. Да, здесь была центральная рыночная площадь, и на ней стояло целых два каменных здания – но на этом различия заканчивались. Те же деревянные дома, разве что стоящие чуть ближе друг к другу. Те же грязные улочки, разве что здесь они были умже, и фасады домов не отступали вглубь палисадника, а образовывали единую линию. Несколько вывесок с характерными изображениями указывали на лавки, да на позорном столбе на главной площади трепыхались остатки гирлянды, украшавшей последнюю ярмарку. Вот и все отличия – вот и весь город.

«И этим Кит хвалился?» – подумала Марика равнодушно, внезапно почувствовав себя очень старой и опытной. Теперь-то она повидала мир, узнала, как тот устроен. Теперь Кит уже не сможет похвалиться перед ней тем, чего она не знает!

Он снова появился. Кит, про которого Марика твердо решила, что его не существует, возник в тот же момент, когда она поняла, что скоро его увидит. Теперь она могла вспоминать все, что они делали вместе, все, о чем он говорил – и мечтать о том, что Кит скажет, когда они снова встретятся. Что она ему скажет. Что они вместе будут делать.

– Эй, не спи, – одернул ее голос Дора. Марика вздрогнула, выныривая из омута своих мыслей.

Они стояли в тени двухэтажного каменного дома. Высокие окна таинственно блестели темными пятнами витражей, массивные дубовые двери покрывала резьба – не очень искусная, но все же сильно отличающаяся от смешных деревянных поделок, которые Марика встречала в деревне. Она запрокинула голову, пытаясь рассмотреть всю стену, до самого конька. Там, под крышей, был гладкий камень с гербом, на котором важно вышагивало какое-то существо... Но снизу было невозможно разобрать, что за зверя там пытались изобразить.

– Нам сюда? – спросила Марика, все еще вглядываясь наверх.

– Да, – отозвалась Дора.

– И что здесь?

– Банк.

Марика недоверчиво покосилась на маму.

– Что?

– Место, где люди получают и куда отдают деньги.

– Зачем? – изумилась Марика.

Дора задумчиво осмотрела каменный фасад. Она была совсем не сильна в том, чем занимались банки, ничего не смысля ни во вкладах, ни в процентах, ни в векселях. И, как племянница Кейзы, Дора твердо выучила, что лучше помалкивать о том, что плохо знаешь.

– Зачем нам сюда? – тем временем уточнила свой вопрос Марика, и на него Дора могла ответить совершенно спокойно:

– Нам нужно отправить в Кастинию письмо.

– И причем тут банк?

– Притом, что в Кастинии находится его главное отделение. Поэтому отсюда в Кастинию постоянно отправляют почту. Мы попросим отвезти наше письмо вместе с ней.

Марика задумалась.

– А банк в Кастинии... – медленно начала она, внимательно рассматривая резные двери, – он больше этого?

– О, да, – усмехнулась Дора.

Марика обернулась – и ее глаза радостно заблестели.

* * *

Дора сдержала свое слово: действительно стала рассказывать и показывать, открывая другую, волшебную жизнь. Как только Марика поняла, что Тремп – не только не весь мир, но даже не значительная его часть, она снова почувствовала интерес ко всему вокруг. На обратной дороге Дора рассказала, почему решила сбежать из дома – и с удивлением Марика услышала собственные мысли. Когда они выходили из Темпа, Дора показала место, где села на повозку мелкого торговца, едущего в Кастинию.

– И он просто так взял тебя с собой? – нахмурилась Марика. Она, конечно, не знала, что такое банк, и уж тем более не слышала про торгово-денежные отношения – но уже успела к своим тринадцати годам заметить, что люди редко делают что-то друг другу просто так.

– Нет, конечно, – улыбнулась Дора, отвечая на вопрос. – Но я к тому времени уже была ведьмой, и не самой плохой. Могла многим помочь ему в пути.

Марика задумалась. Конечно, когда мама сбежала из дома, она была старше, и, возможно, за ближайшие три-четыре года Марика тоже смогла бы научиться всему тому, что позволило бы ей называть себя «неплохой ведьмой». Но сейчас она понятия не имела, что могла бы предложить торговцу в обмен на его помощь. Да, с десятков зелий Марика смогла бы сварить – но

ведь это было дома, где имелись все необходимые составляющие, уже приготовленные, высушенные, толченые в порошок.

И в конце концов Марики поняла, что она, вообще-то, ничего не умеет и ничего не знает. Мир, такой чудесный и удивительный, снова, как тогда ночью, показался страшным и чужим.

Но ведь у нее не было выбора, верно?

* * *

Наступившая зима стала для Марики настоящей пыткой. Неделя, когда они ходили в Тремп, оказалась последней теплой и солнечной в том году. Начались дожди, сначала просто холодные, затем – ледяные, потом туман стал по ночам оседать серебристым кружевом инея на ветвях и траве, и наконец из-за гор приползли снеговые тучи, тяжелые, свинцовые, и белая тишина окутала Туманный край.

Дора снова надела на Марику амулет, окружила песнями и травами. Теперь, после Круга, они еще сильнее ощущались, как тонкая паутина, которая сковывала движения, мешала смотреть, слышать, думать. Но теперь Марики знала, зачем это нужно – и мама больше не была врагом. Выходя на улицу и чувствуя незримое присутствие *Волка*, Марики заставляла себя не идти ему навстречу, не уходить со двора, не искать снова Круг – хотя воспоминание о силе, счастье, свободе, которые она там ощутила, порой манило почти нестерпимо.

Дора не знала, когда мог прийти ответ на ее письмо – но дорогу к холмам все равно замело, и до весны нельзя было и думать о том, чтобы отправиться в город. Марики изнывала от нетерпения и беспокойства – ведь кто знает, что будет в этом ответе? Примут ее, девочку, в Кастинию? А если нет, то что тогда? Порой Марики даже мечтала о том, чтобы ей отказали – потому что чем дальше, тем больше неизвестный большой мир пугал ее.

Но она чувствовала, что колдовство Доры не может работать вечно. Рано или поздно то, что жило в Марики, должно было стать сильнее амулетов и ритуальных песен. И что тогда будет? Кем она станет? Кейза сказала – нам не справиться с этим, да Марики и сама это чувствовала. Внезапно она поняла, что ни бабушка, ни мама не знают все и не могут все. И вместе со страхом, порой даже ужасом неизвестного где-то глубоко внутри расцветал восторг, ураган предвкушения – узнать. Понять. Увидеть. Научиться тому, чего они не знают и не понимают.

И может быть – может быть! – самая потаенная, странная и потому особо приятная мысль – научиться тому, чего не знает и не умеет Кит. Стать лучше. И заставить его это признать.

Далеко в Лесу Волк, чей взгляд много месяцев подряд был прикован к югу, издал радостный рык, полный мрачного торжества. И зимнее небо, чистое и прозрачное, отражалось в его холодных глазах.

* * *

Когда растаял снег, земля просохла после весенних дождей и Лес зазвенел неугомонной песней, Дора и Марики снова пошли в Тремп. Дорога после прошлого путешествия туда и обратно уже не удивляла новизной, не разочаровывала обыденностью, не сулила ничего нового, и Марики с удивлением и грустью поняла, что холмы перестали быть границей неизвестного мира. Они были просто еще одной приметой местности, вехой, по которой можно было отмечать знакомый путь – точно так же, пробегая от дома к бабушке Кейзе, Марики знала, что на разломанную молнией старую сосну приходится середина пути, а прорезанный ручьем овраг означал, что она почти на месте. Теперь холмы, дорога, Тремп тоже стали всего лишь новыми точками на воображаемой карте ее мира. И, вступая на узкие улочки города, Марики внезапно ощутила, что неизвестного в нем, на самом деле, не существует.

Есть только точки, которые она еще не успела отметить.

Дора в этот раз ничего не говорила – то ли чувствуя настроение дочери, то ли опасаясь чего-то. Последнее, впрочем, Марика могла и придумать потом – когда они уже вскрыли письмо в прохладной, еще дышащей зимой тени банка, и Дора прочитала тихо: *«Девочка не может учиться в Кастинии»*. Марика хотела посмотреть, увидеть эти слова своими глазами, чтобы точно убедиться в их страшной, спокойной неотвратимости – но мама не дала ей письмо. Хуже того – снова стала как будто чужой, далекой и холодной. И рассеянной, хотя уж этого с мамой не случалось никогда. Дора забыла, что они должны были зайти в несколько лавок, забыла про поручение Тура Кийри – пошла сразу к северной дороге, будто спешила как можно скорее уйти от холодной каменной стены с темными витражами. Марика окликнула ее, испуганно и неуверенно, ошарашенная ответом, который так давно боялась получить, обескураженная ожидаемым разочарованием, но Дора не услышала ее, медленно бредя по улице не своей, усталой походкой.

«Она опять меня оставляет», – в ужасе подумала Марика, и тут мама обернулась, и в непоколебимо сжатых губах ее дочь увидела все свое горе, помноженное стократ. Бремя матери, которая ничем не может помочь.

Они стояли посреди пыльной, прогретой весной улицы, и, сделав глубокий вдох, Марика подошла, взяла маму за руку и сказала:

– *Все будет хорошо.*

Далеко в Лесу Волк подобрался и сел, глядя в пустоту перед собой. Он не ухмылялся и не рычал, потому что в словах, произнесенных на пыльной улице Тремпа, звучал Закон Леса, древний и непреложный, тот, что говорил о честности и жертве, понимании и силе. И хотя Волк не жил по законам Леса, он всегда знал про Закон.

Поэтому, когда девочка протянула руку и произнесла те три слова, Волк насторожился и прислушался. Ибо то был сигнал, первая весть, что в игру вступает новая сила.

Далеко на юге, под стенами Кастинии, поднял голову Лис. Он тоже слышал слова, и увидел Волка, и усмехнулся, взмахнув рыжим хвостом.

– *Что ж, братец, – тихонько пробормотал Лис, глядя на север, – теперь и ты вступишь на тот же путь.*

– *Наш путь никогда не будет одним, – рыкнул Волк, сидя далеко в Лесу.*

– *Но мы ведь знаем, куда он приведет, верно? – крадучиво спросил Лис.*

Лес, который слышал каждое их слово, зашумел новорожденной листвой, вспугнул щебечущих птиц и взметнул в воздух облако пыльцы, полное легких намеков и еле уловимых ароматов.

И оба, Волк и Лис, почувствовали запах яблок и цветущих деревьев.

* * *

Марика, конечно, не догадывалась, что своим простым жестом и не менее простыми словами вызвала разговор двух древних существ, от сотворения мира враждовавших друг с другом. Не подозревала она ничего и о Законе, потому что и ее мама, и ее бабушки жили по нему безотчетно, не зная его смысла, но строго следуя сути.

Зато Марика совершенно отчетливо поняла – точнее, почувствовала, – другое. Пожелав успокоить, возможно, даже защитить мать, она сама стала в тот же момент взрослее, мудрее и сильнее. Да, именно тогда Марика впервые осознала могущество великодушного. То, что раньше, в детстве приходило намеками правильного пути, легким толчком в нужную сторону, теперь стало осознанным решением. И это решение и сблизило ее с матерью, и отдалило их друг от друга. Проявив заботу, став на мгновение сильнейшим, Марика начала говорить с Дорой на

одном языке – и одновременно навсегда утратила тот особый язык, что есть у каждой матери с ее ребенком.

И тогда же внутри нее родилось решение – не спонтанное и восторженное, но холодное и рассудительное, чистое и ясное, как зимнее небо...

Далеко в Лесу Волк снова наострил уши – а затем слегка усмехнулся.

«Нет, мы никогда не будем идти с тобой одним путем, Тиласи», – подумал Волк. Но говорить ничего не стал. Он и так слишком много сказал этому брехливому отродью.

* * *

– Что ты сделала со своими волосами?! – воскликнула Лагит.

Марика, стоя на пороге хижины, неуверенно тряхнула удивительно легкой головой. Дора молчала и рассматривала дочь со сложной смесью восхищения, неодобрения, испуга и веселья во взгляде.

– Это чудовищно, – согласилась она наконец совершенно спокойно, и Марика выдохнула – значит, мама угадала, что она задумала. В последнее время между ними установилось особое взаимопонимание – не говоря ничего напрямую, они узнавали мысли и чувства друг друга, и, казалось, чем сильнее скрывал правду один, тем яснее она была для второго. Так Марика поняла, например, что письмо из Кастинии расстроило маму не только из-за нее, что в нем было что-то личное, о чем та не хотела говорить. И эта недосказанность неожиданно сближала их сильнее, чем любые разговоры.

– Иди сюда, – позвала Дора. – Я попробую это как-то исправить.

– Но зачем?.. – не унималась Лагит – и тогда Марика тихо и твердо сказала:

– Раз в Кастинию не берут девочек – я стану мальчиком.

* * *

– И ты думаешь, что коротких волос для этого достаточно? – голос Кейзы хлестнул, как крапива, через которую до того Марика пробивалась по заросшей тропинке.

Она пришла попрощаться, но и бабушка тут же вытянула все подробности их с мамой плана, и под ударами ее резких вопросов стройная и логичная история превращалась в сонм неразрешимых проблем. Они сидели на крыльце – старая ведьма и девочка-подросток. Солнце почти спряталось за макушками елей, и вечерний холод выполз из-за стволов, оседая на свежей траве сыростью.

– Конечно, этого недостаточно, – покачала головой Марика. – Но что я теряю?

Кейза нахмурилась.

– Что ты теряешь?

– Ничего. Самое страшное, что они могут сделать – вышвырнуть меня оттуда. Значит, хуже уже не будет, – Марика улыбнулась, и в этой озорной, и впрямь почти мальчишеской улыбке Кейза ясно увидела безрассудство юности – то самое, что увело у нее сестру, а позже – племянницу.

Но Марика не сбегала – она пришла попрощаться. Поэтому Кейза положила свою тяжелую, костлявую руку на спину девочки и сказала:

– Ты – Волк. А Волка нельзя вышвырнуть, это уж точно.

Марика кивнула. Встала, наклонилась и поцеловала жесткие, седые волосы бабушки.

– Прощай, кизи.

– Прощай, Моар.

Марика сорвалась с места и побежала прочь, а солнце мигнуло в последний раз, и сумрак окутал поляну, хижину на ней и Лес вокруг.

*Далеко в Лесу ветви деревьев беспокойно зашуршали, тронутые мягким касанием ночного ветра. Но их никто не услышал. Их больше некому было слышать.
Потому что Волк и Лис покинули Лес.*

Часть вторая. Друзья

І. Кастиния

Мир все-таки оказался необъятным. Чем дальше дорога уводила от дома, тем больше встречалось городов и деревень, полей и лесов, и тем сильнее раздвигались границы известного не только вдоль пути, но и во все стороны, открывая несчетное количество иных путей и возможностей. И взъерошенный подросток, что шел рядом с молодой ведьмой, жадно смотрел вокруг, рискуя свернуть себе шею в каждом городе и быть растоптанным на каждой переправе.

Марику удивляло и приводило в восторг буквально все. Дора видела в этой чрезмерной радости некоторую болезненность, но не пыталась успокоить дочь. А той казалось, что вместе с волосами она отрезала все свои страхи, сомнения, горечь и боль. Прошрое осталось за спиной, и расставание с ним оказалось легче, чем Марика предполагала. А впереди было будущее, неизвестное и желанное, и каждый новый поворот дороги манил, и каждый новый город обещал невероятные приключения.

Особых приключений, впрочем, на их долю не выпало, и все прошло предсказуемо и спокойно – во всяком случае, для Доры, которая знала, чего ожидать. Марика же наслаждалась и тем, что было, не особо догадываясь об обыденности их путешествия.

И наконец настал тот день, когда после очередного поворота дороги Дора поймала Марику за руку и сказала: «Смотри». И указала вперед – на белые башни Кастинии.

* * *

Если бы не долгое путешествие, Марика, возможно, сошла бы в столице с ума. Кастина оказалась настолько огромной, несуразной, шумной и суетливой, что, не пройди они по дороге Кордону и Агер, потрясение было бы слишком велико. Но теперь Марика уже была готова – и с улыбкой вспоминала свое разочарование от Тремпа, который, как она теперь понимала, и впрямь мало чем отличался от деревни.

Они ночевали не в городе, где постоялые дворы были забиты битком и стоили слишком дорого, а в одном из пригородов, Сегаме, и после полудня вместе с толпой прошли через огромные белокаменные ворота, широкая пасть которых поглощала и изрыгала путников. В первый день Дора отвела Марику на главную площадь, в богатый квартал Авессин, где за высокими оградами стояли виллы знатных вельмож, показала вид на город с холма Монтабло.

– Но ведь у меня еще будет время все это посмотреть! – удивилась Марика, когда узнала, что они не пойдут сразу к школе магов, стоявшей на другом холме, Анк.

– У тебя – будет, – улыбнулась Дора – но у ее улыбки был тот же горький привкус, который Марика неизменно чувствовала теперь в голосе мамы. – Но у меня – нет.

Марика надолго замолчала после этих слов – и тень страха, исчезнувшего было на время путешествия, вернулась снова. Страх и грусти.

Будущее ждало ее, но прошлое все еще было рядом, в маминых сильных руках, в жестких светлых волосах, в твердом спокойном голосе. А когда и это останется позади – что останется у нее? Что будет ее настоящим?

«Кит, – думала Марика. – Я иду к Киту».

И от этой мысли ей становилось немного легче.

* * *

Чем выше они поднимались на Анк, тем сильнее Марику мучило от волнения. Она готова была в любой момент развернуться и убежать, и только уверенная походка Доры, ее размеренные шаги не давали это сделать. Подъем начался на широкой улице, но скоро дома закончились, и дорога заплеталась серпантинном меж деревьев, больше походивших на лес, чем на городскую зелень.

«Стоило идти в такую даль, – неожиданно подумала Марика, – чтобы снова жить в лесу».

Однако за следующим крутым поворотом показалась высокая каменная стена, а дорога выровнялась и пошла прямо под оградой. Кругом по-прежнему не было ничего – ни одного строения, ни одного человека, а стена с дорогой уходила далеко вперед, в темноту леса. Шаги гулко отдавались в давящей, почти оглушающей тишине этого странного места, и Марике стало казаться, что они всегда шли по этой дороге, вдоль этой стены, из ниоткуда в никуда...

Внезапно Дора остановилась, и Марика заметила в нескольких шагах от них небольшую деревянную дверь. Она обрадовалась и хотела было сразу открыть ее, но Дора остановила Марику покачала головой:

– Надо ждать. Сами мы туда не войдем.

Она послушалась, гадая про себя, как те, кто внутри, узнают, что они стоят здесь. Но спустя несколько мгновений дверь скрипнула, и из нее вышел высокий мужчина. Он был очень смуглым – Марика еще ни у кого не видела такой темной кожи – и его глаза смотрели цепко и жестко, совсем как у бабушки Кейзы. Темно-серый балахон скрывал фигуру, но Марика подумала, что он должен быть очень сильным. Мужчина окинул их взглядом и спросил коротко:

– Ученик?

Дора кивнула.

Мужчина снова взглянул на Марику, теперь уже внимательнее, и она испугалась. Ей казалось, что он видит ее насквозь.

«Сейчас он догадается, что я девочка, и прогонит меня», – подумала она в ужасе и опустила глаза, боясь, что они выдадут ее.

– Подойди сюда, мальчик, – позвал мужчина, и Марика вздрогнула – ей послышалась в его голосе издевка. Но мама легко подтолкнула ее, и, спотыкаясь, Марика сделала несколько шагов и робко подняла взгляд.

Мужчина оказался еще выше, чем она думала, он нависал над ней, как и каменная стена, и деревья вокруг... Марика обернулась к маме. Та ободряюще улыбнулась.

– Как тебя зовут? – строго спросил мужчина.

– Ма... Маар, – пробормотала она. – Маар из Оры.

Мужчина кивнул и указал рукой на дверь:

– Проходи.

Марика вздрогнула и снова посмотрела на Дору. Значит – все? Она войдет внутрь и не увидит маму – кто знает, как долго?

Дора шагнула к ней, мужчина поднял руку, как если бы хотел запретить ей это сделать – и Марика увидела, что ладонь у него темно-серая, почти черная.

– Маар, подойди ко мне, – сказала Дора – и это был тот голос, с которым никто и никогда не решился бы спорить.

И высокий темный мужчина опустил руку.

Марика подбежала к маме и с силой обняла ее, прижимаясь к знакомому, привычному теплу, к запаху шерсти и трав. На мгновение безумное отчаяние охватило ее, выбило дыхание, сковало руки и ноги – а затем мама прижала ее еще ближе к себе и тихо прошептала:

– Запомни – ты *всегда* можешь уйти. Где бы ты ни была, что бы с тобой ни происходило – ты всегда можешь вернуться домой, *Моар*.

И в этих словах Марика наконец ясно увидела свое будущее – то, где у нее был выбор. И, когда мама сняла с нее защитный амулет, она тряхнула все еще непривычно короткими волосами, гордо подняла голову и подошла к магу. И решительно шагнула в широко распахнутую маленькую дверь.

В дальнем конце дороги, там, где стена скрывалась в темноте, между деревьями сверкнул серебристый мех – и блеснули первозданной чистотой горного неба холодные, внимательные, безжалостные глаза Волка.

* * *

Марика помнила, что говорил Кит: школа в Кастинии – такой же Круг, как и рядом с их домом, только очень большой. Когда же она прошла через маленькую дверь и ступила на землю за высокой стеной, то сразу ощутила это всем своим существом. Потому что здесь тоже была Сила. Более того, Марика сразу почувствовала разницу между их Кругом и школой. Там, среди обожженных деревьев, Сила была старой, умирающей, древней. Здесь же она была ключом, переполняла воздух, играла в крови знанием и уверенностью. Марике казалось, что ее руки вот-вот снова начнут светиться – и едва сдерживала себя, чтобы не рассмеяться от радости. И потому ее не испугали первые слова темного мага:

– Сейчас я отведу тебя, Маар, к Мастеру Титу, и он проверит твои способности.

«Ну конечно, – подумала Марика, и ни тени страха не было в ее мыслях. – Они ведь еще не знают, гоюсь ли я в маги. Глупо было подумать, что меня уже приняли».

Однако разлитая в воздухе Сила не давала сомневаться в том, что ее возьмут в школу.

Они долго шли по сумрачному лесу, точно такому же, как тот, что рос за стеной. Внезапно тропинка вывела их под яркое солнце – и Марика не сдержала вдоха восхищения. Перед

ней было здание, огромное и при этом будто составленное из множества небольших строений, высоких и низких, широких и устремленных вверх. Но всех их объединяло одно – утонченный и вместе с тем величественный силуэт, подчеркнутый стрельчатыми окнами и арками и украшенный тончайшей каменной резьбой. Здание казалось воздушным и громадным одновременно, легким и загадочным, просторным и таинственным. Оно было по-настоящему волшебным.

Маг, привыкший, видимо, к восторгам вновь прибывших учеников, не обратил внимания на возглас Марики и повел ее налево, к одному из небольших флигелей. Вокруг тоже были деревья, но совсем не такие, как в лесу – невысокие, с густой кроной, они росли довольно далеко друг от друга. По дороге в Кастинию Марика видела много таких деревьев, и Дора объяснила, что они называются «фруктовые». Марика запомнила названия: яблони, груши, сливы, вишни, а еще дальше на юг – апельсины, лимоны, гранаты, абрикосы... Тогда она внимательно вглядывалась в густую крону, но никаких фруктов на деревьях не увидела. «Еще не время», – пояснила Дора, и Марика вполне приняла такой порядок вещей. В Туманном крае ягодам тоже нужно было время, чтобы поспеть.

Но здесь, в школе магов, на деревьях уже были фрукты – и Марика догадывалась, почему. Если бы она была деревом, она бы тоже только и делала, что приносила плоды, просто чтобы дать выход переполняющей ее Силе. Все время, что они шли по саду, Марика сжимала руки в кулаки – не зная сама, на что способна, если даст себе волю.

Когда они подошли к зданию школы, стал слышен гул голосов, доносившийся изнутри, и у Марики дрогнуло сердце.

«Кит. Он где-то здесь. И скоро я его увижу».

Дора не стала писать ему о приезде Марики. Хотела – но легко согласилась на предложение сделать из этого сюрприз. Мама тоже считала, что Кит очень обрадуется.

Когда маг открыл дверь, Марика собралась, готовая увидеть толпу учеников, но в просторном темном холле было тихо и пусто. За спиной Марики щелкнул замок.

– Подожди здесь, – велел маг и скрылся в глубине холла. В темноте скрипнула еще одна дверь.

Марика запрокинула голову, пытаясь рассмотреть потолок. Холл освещался одним-единственным круглым окошком над входной дверью, но дома Марика привыкла к темноте, и потому ее глаза быстро освоились в полумраке.

Она еще никогда не видела такой огромной комнаты. Банк в Тремпе был, конечно, большим – но помещения первого этажа, где работали клерки и куда приходили простые посетители, не сильно превосходили по размеру их хижину. Здесь же потолок был настолько далеко, что Марика с трудом могла разглядеть хитрое переплетение тонких каменных ребер. Выглядело так, будто именно они держат на себе свод, хотя это и казалось невозможным.

Марика всматривалась в полумрак над головой до тех пор, пока у нее не заболела шея – как вдруг из глубины холла ее окликнули:

– Привет.

Она резко обернулась. Голос не походил на то, как говорил темнокожий маг, да и вообще не походил на взрослого. Он был слишком высоким, звонким – одним словом, это был явно голос мальчишки.

И это не был голос Кита.

Марика присмотрелась и увидела, что на одной из каменных скамей у стены сидит паренек. Он был примерно ее возраста, и совсем немного выше ростом, но зато заметно шире в плечах. Темно-русые короткие густые волосы слегка вились, а черты лица казались чуть крупнее, чем надо, как будто они выросли раньше, чем успел их владелец. Но больше всего привлекала внимание его улыбка. Она была не только на широких губах, но и в уголках карих

глаз, в ямочках на щеках, в крыльях широкого носа. Мальчишка улыбался приветливо и тепло, словно он ждал Марику здесь – и вот она наконец пришла.

И она не могла не улыбнуться в ответ.

– Привет, – Марика подошла поближе и села на скамью у противоположной стены холла. – Ты давно здесь сидишь?

– Ага, – довольно кивнул мальчик, поднял руку ко рту и с хрустом откусил что-то. – Хочешь? – предложил он, заметив внимательный взгляд Марики.

– А что это?

– Яблоко.

– Хочу, – кивнула Марика, и тут же чуть не получила яблоком по лбу, успев поймать его в самый последний момент. Она поднесла фрукт к глазам, изучая тонкую желто-зеленую кожицу, которую распирали изнутри сок, как саму Марику – Сила этого места. – Ты взял его в саду? – догадалась она.

– Нельзя не взять то, что само упало тебе в руки, – весело заметил мальчик.

– И сколько яблок упало тебе в руки? – уточнила Марика, пристально глянув на него, и он расхохотался – звонкий смех разнесся под сумрачными сводами.

– Как тебя зовут? – спросил мальчик.

– Маар. А тебя?

– Дориан.

Марика задумалась.

– Дориан – это Дор. Значит, ты *Доар*, олень. Верно?

Мальчик внезапно нахмурился.

– Откуда ты знаешь мое *хедийе*?

Марика недоуменно пожала плечами.

– Но это же очевидно.

Дор нахмурился еще сильнее.

– Это далеко не всем очевидно. Мало кто умеет различить в имени *хедийе*. Кто тебя этому учил?

– Бабушка.

– Значит, у тебя очень одаренная бабушка, – заметил Дор. – Но ты лучше никому об этом не говори.

– О бабушке?

– О том, что видишь *хедийе* других. Людям это не нравится.

– А ты откуда знаешь? – спросила Марика с подозрением – потому что мальчишка, воровавший в саду яблоки, говорил голосом того, кто точно *знает*. Он усмехнулся – но в тот же момент скрипнула дверь и раздался голос темного мага:

– Дориан!

Мальчик вскочил со скамьи и побежал в темноту на голос, оставив Марику наедине с яблоком. Она рассеянно откусила кусочек – вкус был таким же, как и воздух вокруг, нестерпимо кислым и сладким, от которого хотелось передернуть плечами и сказать «бр-р-р!»

Марика передернула плечами, отерла рукавом сок с губ и отложила яблоко в сторону. Живот свело – то ли от кислоты фрукта, то ли от страха. Неожиданная встреча с Дором сбивала ее с толку, тревожила, заставляла снова сомневаться в себе.

«Спокойно, – подумала она и подняла руки ладонями вверх. – Я хочу, чтобы здесь стало светло».

И тут же из ладоней полился свет, неявный, приглушенный, но очень теплый и приятный. Он разгонял неприветливый полумрак холла и окутывал все вокруг мягким сиянием.

Скрипнула дверь. Марика подняла голову и увидела темного мага. Он пристально смотрел на ее руки, и свет отражался в его глазах.

– Идем, – наконец приказал он коротко. Марика тут же вскочила, на мгновение засомневалась, что делать с яблоком, но маг ждал, и она так и оставила огрызок на скамейке.

Они прошли по темному коридору, и свет от ладоней пришелся здесь очень кстати. Пару раз маг обернулся к Марике, но ничего не сказал. В конце коридора был другой холл, поменьше и куда светлее предыдущего благодаря высокому окну. Как только Марика вышла из коридора, ладони светиться перестали, и она поморщилась – теперь они слегка горели, как и тогда, после Круга. Маг пересек холл и распахнул большую красивую резную дверь, похожую на те, что были в банке.

Следующая комната была очень большой – возможно, не такой высокой, как мрачный холл, где Марика встретила Дора, но зато очень просторной и ярко освещенной. На противоположной от входа длинной стене было три высоких стрельчатых окна, и через мутную слюду бил яркий солнечный свет, лишь отчасти приглушенный галереей снаружи. С улицы доносились шум и голоса, и Марика догадалась, что окна этой комнаты выходят во внутренний двор школы.

«И где-то там есть Кит», – подумала она, и у нее снова перехватило дух от этой мысли.

– К-хм, – донеслось справа. Марика оторвала взгляд от окна и повернулась на голос. Там, за огромным красивым столом из полированного дерева сидел грузный седой старик. Он был одет в такой же балахон, что и темный маг, но более светлого оттенка. Морщинистые руки лежали на животе, и блеклые глаза рассматривали Марику безо всякого выражения.

– Ты пришел сюда обучаться магии? – проскрипел старик.

– Да, – ответила Марика дрогнувшим голосом.

– Да, Мастер, – тихо сказал темный маг. Марика испуганно покосилась на него и пробормотала невнятно:

– Да, Мастер.

– И что ты умеешь?

Марика недоуменно посмотрела на старика. Она же пришла учиться! Как она может что-то уметь?

– Я знаю, как варить зелье спокойствия, зелье от горячки, зелье...

– Меня не интересуют эти ведьмовские штучки! – фыркнул старик презрительно. Марика вспыхнула.

– Моя мать – ведьма, – процедила она, уже безо всякой дрожи в голосе.

– Так пусть она тебя и учит, – прищурился старик. Щеки Марики горели, и она была готова броситься к двери и бежать отсюда как можно дальше – от противного старика, молчаливого мага, странного мальчика с его яблоками...

Темный маг быстро подошел к старику и что-то шепнул ему на ухо.

– Вот как! – воскликнул тот и снова прищурился, но теперь с долей интереса во взгляде. – Значит, ты можешь создавать свет.

– Могу, – все так же вызывающе бросила Марика.

– Так покажи это!

– Здесь и так хватает света, – спокойно сказала Марика. Она снова почувствовала Силу, зудящую в руках – но сейчас ей хотелось что-нибудь разрушить, сломать, уничтожить...

– Чего же здесь не хватает? – усмехнулся старик.

– Воздуха, – ответила Марика – и хлопнула в ладоши.

Огромные окна со звоном лопнули и осыпались дождем слюды и металла на каменный пол. И тут же в комнату ворвался теплый летний ветер – а шум во дворе стих. Марика глянула туда и увидела десятки лиц, ошарашенно смотревших на нее.

– Хм... – протянул старик. Марика обернулась – вовремя, потому что в тот же момент старик встал из-за стола, поднял руки – и проделал самое красивое движение их всех, которые Марика когда-либо видела. Он развел руки в стороны, а затем медленно свел их вместе, и в

этом простом жесте было столько достоинства и грации, силы и уверенности, что Марике тут же стало бесконечно стыдно за то, что она натворила. Окна с тихим шорохом вновь собрались из осколков, а старик неожиданно улыбнулся – не то чтобы очень приятно, но без бывшего презрения во взгляде.

– Это было впечатляюще, – заметил он довольным тоном. – Я часто вижу, как ученики что-нибудь ломают, но редко они делают это так виртуозно. Добро пожаловать в Кастинию, Маар.

– А разве Кастиния – это не название столицы? – удивилась Марика, совсем потеряв голову от всего произошедшего.

Старик рассмеялся низким скрипучим смехом.

– Конечно. Но настоящая, первая и главная Кастиния – здесь. Она возникла задолго до города – и думаю, переживет его. Мастер Леви, отведи Маара прислужникам, пусть приведут его в порядок. А ты, Маар, запомни два простых правила: любой учитель для тебя – Мастер, а любая собственность школы – священна.

Марика неуверенно кивнула. Старик хмыкнул:

– Это значит, будь вежлив и ничего не ломай. Понятно?

Марика снова кивнула.

– Это значит, не кивай, а отвечай: «да, Мастер», – уточнил он.

– Да, Мастер.

– Молодец, быстро учишься.

– Спасибо, Мастер.

Темный маг, которого называли Мастер Леви, отошел к двери и поманил Марику за собой. Снаружи, в светлом холле, он повернулся к ней и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.